

Хроники сыска (сборник)

Автор:

Николай Свечин

Хроники сыска (сборник)

Николай Свечин

Сыщик Его Величества #4

«Хроники сыска» – сборник из семи детективных новелл, действие которых происходит параллельно действию романов Николая Свечина «Завещание Аввакума» и «Охота на царя». Бесстрашный сыщик нижегородской полиции Алексей Лыков и его друг и коллега статский советник Павел Благово расследуют дела – одно запутанней другого: о банде конокрадов, о деревне душителей, об убийстве гимназиста, о таинственном кладе Емельяна Пугачева, об отравлении купца ядовитыми перепелами и также – об убийстве аптекаря-наркоторговца.

Стильный захватывающий детектив – в лучших традициях ретро-жанра!

Николай Свечин

Хроники сыска

Вохра

Помощник начальника Нижегородской сыскной полиции коллежский асессор Благово громко чертыхнулся. Опять разгромили квартиру! И опять с забеленными окнами. Каждую весну в «Полицейских ведомостях» печатается

предупреждение обывателям: не закрашивайте стекла, когда переезжаете на дачу! Поставьте чехлы на мебель, повесьте плотные занавеси, если вам жалко обои, но не белите окна. Все напрасно. И когда шниферы – грабители квартир – прогуливаются по улицам в поисках добычи, по этим приметам они легко обнаруживают помещения, безопасные для взлома.

Ограбленная квартира принадлежала отставному ротмистру Галахову и находилась во втором этаже дома графини Паниной на Рождественской улице. Взлом сегодня утром обнаружил кухонный мужик и сразу сообщил в часть. Пристав отправил городского за Галаховым, который неделю назад переехал с дочерью (он был вдов) на все лето в Козино. Без него протокол пропавших вещей не составить, поэтому и сам Благово остался до поры в управлении. Послал только агента, чтобы опросил покуда дворника и соседей, а сам раскрыл «Журнал происшествий». Вывел красивым почерком сегодняшнюю дату: «8 мая 1876 года» – и больше ничего написать не успел. Дверь в его кабинет резко распахнулась, вбежал сыскной надзиратель Макарьевской части Здобнов и выдохнул:

– Беда, Павел Афанасьич! Убийство.

Коллежский ассессор молча стукнул себя кулаком по колену, схватил фуражку с кокардой и выбежал вслед за надзирателем на улицу. Уселись в полицейскую пролетку, с места рванули в карьер; Здобнов тут же принялся рассказывать:

– Меньше часа назад случилось, прямо, как говорится, среди бела дня. Извозчик Быткин, из кунавинских мещан. Стоял у вокзала на бирже. Лошадь купил неделю назад... Вышел с Гребневской пристани зажиточный мужик, стал было нанимать его в Сормово – да вдруг как схватит лошадь под уздцы и давай кричать! Это, мол, его буланка, которую десять ден назад у него прямо из стойла свели. Быткин ругаться и грозить, а тот не отпускает и городского кличет. Народ, понятно, заинтересовался; зеваки собрались. А когда городской к ним уже подходил, Быткин вдруг охнул и назад повалился. Никто ничего не понял сначала, а как подняли возницу – у него нож в спине! Закричали «лови!», а ловить-то некого: тот человек, что нож сунул, уж до пакгаузов добежал и там скрылся. Однако успели его рассмотреть.

– Ну?

– В общем, офеня это, Павел Афанасьевич.

– Офеня?

Сыщики понимающе переглянулись и дальше ехали уже молча.

Коллежский асессор Благово был видный мужчина в годах между сорока и сорока пятью. Седые волосы эффектно обрамляли высокий лоб; черные усы с сильной проседью, породистое лицо и умные, все замечающие глаза дополняли его облик. В молодости Павел Афанасьевич служил морским офицером и сохранил от той поры подтянутость и строгое щегольство в платье. Уже восемь лет Благово служил в уголовном сыске, прошел путь от простого надзирателя до помощника начальника сысского отделения. Выше ему хода не было, хотя по способностям и опыту он был достоин и более высокого поста. Но отделение возглавлял зять губернатора Кутайсова Васенька Лукашевич, лентяй и заядлый картежник, исполнявший служебные обязанности не выходя из дому. Месяцев по восемь в году Васенька лечился неведомо от чего на немецких курортах, преимущественно там, где были казино. В эти счастливые месяцы Павел Афанасьевич руководил сыском самолично и был на хорошем счету у министра внутренних дел. Остальное время ему приходилось играть роль подчиненного, что угнетало его и мешало делу. Сейчас была именно такая пора: Лукашевич уедет только в начале июня. А тут это убийство!

Иван Иванович Здобнов, пятидесятилетний сыщик, опытный и неглупый человек, хорошо знал своего начальника. Догадывался он и о сложности предстоящего им расследования. Офени – закрытое сообщество, занимающееся отнюдь не только торговлей в разнос. Доступ посторонних в это полупреступное сословие невозможен, своих они не выдают. Найти убийцу составит большого труда...

Приехав на биржу Московского вокзала, сыщики тотчас же по толпе зевак отыскивали коляску зарезанного извозчика. Забрали мужика – тот все никак не хотел отпустить вожжи – и поехали в Главный ярмарочный дом, где размещалась Макарьевская часть. Труп к этому времени уже доставили в прозекторскую, и полицейский врач Милотворский начал производить вскрытие.

На допросе Мефодий Петров Кислухин, крестьянин села Кусторка Тумботинской волости Горбатовского уезда, показал, что узнал свою буланку тот час же, как подошел к коляске. Лошадь тоже учуяла хозяина и радостно заржала. Кислухин

купил кобылу четыре года назад, назвал Ласточкой и весьма дорожил ею, как вдруг десять дней назад в недобрую ночь ее свели со двора. Он подал заявление исправнику, сам обошел округу на тридцать верст, пытался уговорить тумботинских конокрадов – есть там известное полиции семейство Цаловых, которое уже лет восемьдесят занимается этим скверным ремеслом. Но Цаловы только посмеялись... А тут такая удача – нашлась его Ласточка! В подтверждение своих слов крестьянин указал приметы кобылы, которые при осмотре подтвердились: большой жировик под левой ганашей[1 - Ганаша – скула у основания нижней челюсти лошади.] и незаживающее раздражение на венчиках всех ног от копытной мази.

На вопрос, видел ли он убийцу и то, как он нанес удар, Кислухин ответил отрицательно. Извозчик вдруг посреди ругани охнул, как раз когда уже к ним подходил городской, и изумленно оглянулся назад. И повалился в коляску... Мелькнул только картуз и кудри под ним; какой-то человек быстро-быстро удалялся, не оглядываясь, потом побежал. Догонять его охотников не нашлось, да и не успели бы: до пакгаузов всего полсотни сажень, а там, как в лесу, – ищи ветра в поле. Но люди, видевшие больше, сказали Кислухину, что парень тот был точно офеня: кубовая рубаха, поддевка с искрой, сапоги бутылками. Под коляской городской обнаружил брошенные им три перевязанных пакета с басонами.[2 - Басоны – тесьма, галунный товар.]

– Знамо дело, они заодно, – убежденно подытожил крестьянин. – Офени да конокрады завсегда об руку ходят: одне наводят, другие воруют. Экий подлый народ! Я так думаю, вашебродие, што концы он прятал, свидетеля резал.

– Из-за какой-то кобылы средь бела дня на убийство пойти? Двенадцать лет каторги. А Ласточке твоей красная цена сто рублей. Что-то, борода, одно с другим не вяжется; не бывает такого.

– Всяко бывает! – стоял на своем Кислухин.

Благово оставил его пока при части, распорядившись выяснить через телеграф, есть ли у горбатовского исправника заявление о покраже лошади. Здобнова он отправил на квартиру к убитому, сделать обыск и собрать сведения у соседей и в участке. Сам же вернулся в управление – необходимо было известить о неприятном происшествии Лукашевича и полицмейстера Каргера.

В два часа пополудни в огромном кабинете полицмейстера состоялось совещание. В окна гляделись великолепные заволжские дали, от Часовой башни уступом спускалась к реке белая стена кремля, из майской зелени весело выглядывал одинокий купол Симеона Столпника. Но полиции было не до красот. Более всех ярился Васенька – подняли с дивана, заставили прийти в службу, звери! Каргеру тоже нераскрытое убийство было ни к чему. Как обычно убивают в Нижнем Новгороде? Так же, как и везде в России: повздорят двое за шкаликом, один другого хватать топором!.. И в участок с повинной. Вот труп, вот убийца, вот мотив. Или жена отравит шнейфуртской зеленью мужа, что ее, несчастную, двадцать лет кряду смертным боем бьет, как напьется... Тоже никакой загадки. А тут середь бела дня зарезали извозчика, и убивец скрылся. Кто? За что? Поди уж и губернатору доложили...

Николай Густавович Каргер пришел в полицию из лесничих. Усердный служака, как и положено немцу. Честен – взятки не берет. Служить под его началом Благово было одно удовольствие: хотя полицмейстер и не смыслил ничего в сыске, но коллежскому асессору доверял, уважал его и поддерживал. Приходилось Каргеру выгораживать его и перед Кутайсовым. Нижегородский губернатор приходился внуком любимому брадобрею Павла Первого, произведенному им за сие высокое искусство в графы Российской империи. Поверхностный и легкомысленный, Павел Ипполитович Кутайсов терпел столбового дворянина Благово только из необходимости. Должен же кто-то нести службу заместо его зятя...

– Ну, что там у вас, господа сыщики? – спросил полицмейстер.

Лукашевич молча взглянул на Благово, тот раскрыл папку, доложил:

– Сегодня в половине девятого утра на извозничьей бирже у Московского вокзала неизвестным был зарезан кунавинский мещанин Степан Петров Быткин. Злоумышленника задержать не удалось, он скрылся в пакгаузах. Причины убийства неизвестны, но перед самым покушением Быткин был уличен крестьянином Тумботинской волости Кислухиным в том, что в упряжке у него стоит кислухинская лошадь, похищенная у последнего десять дней назад. Горбатовский исправник телеграфом подтвердил конокрадство. И последнее: убийца, по всем признакам, из числа офеней.

– Офеней? – удивился Каргер. – При чем здесь коробейники? Какое отношение они могут иметь к конокрадству?

– Ну, сами-то они лошадей, разумеется, не крадут. Но замечены во множестве других, весьма серьезных, прегрешений. Офени, господа, – несколько по-учительски продолжал Благово, – особое сословие, полуторговое-полупреступное. Оно тесно связано с уголовным миром, но стоит от него особняком. Представьте себе людей, которые постоянно перемещаются по углам нашей державы со всяким мелким товаром. Торговля бойкая, но небольшая, поэтому офени не брезгают поживиться и воровством. Известны случаи ограбления ими путников, и даже с убийствами. Яды, которыми травят у нас в деревнях волков и постылых мужей, все добываются через офеней. Сбыт фальшивых банкнот мелкого номинала, а также оловянной монеты под видом серебряной – многолетний их промысел. Офени – очень закрытое сообщество, со своими обычаями и даже со своим языком, постороннему непонятным. Язык этот, между прочим, куда сложнее «байковой музыки» уголовных – в нем более тысячи слов. Имеются даже как бы внутренние наречия: галисовский, мотройский, ну и другие. Сами себя офени считают особым народом, жившим в IX веке, и называют себя «масыки». Настоящие офени происходят исключительно из четырех уездов Владимирской губернии: Ковровского, Вязниковского, Суздальского и отчасти Судогского. Они ощущают особую общность, как бы единую кровь (вохру, на их языке), и стоят друг за дружку горой. Лет тридцать назад у них явились подражатели – мелкие разносчики из Подольского и Серпуховского уездов; но это только имитаторы. Настоящие офени их презирают и частенько поколачивают. В 1700 году, согласно их собственной легенде, Петр Великий согнал их с их мест притеснениями. С той поры они ходят по всей России, причем начинают свои походы в начале осени, а домой возвращаются только к Масленице. Заметьте: осень – время окончания полевых работ. Лошади встают «на зимние квартиры», откуда их легче свести, чем в страду. Офени ходят везде и забредают даже в Австрию – конечно же, за контрабандой. В Привисленском крае им не дают хода евреи, за исключением нескольких белорусских местностей, дарованных ранее Екатериной князю Потемкину. (Там сейчас проживают потомки первых коробейников, так называемые кричевцы.) В Подолии же офени, вкуче с малороссами, создали особые «коридоры» для беспошлинного ввоза товаров и доставляют много хлопот властям. Для нас все это важно потому, что агенты правительства практически не вхожи в кастовые тайны коробейников. Это, повторюсь, очень закрытое сословие, похлеще масонов. Если убийца Быткина из их числа, найти его будет чрезвычайно трудно.

– Воровство, контрабанда, фальшивые деньги – целый букет уголовных деяний, – капризно произнес Лукашевич. – Но ведь конокрадства-то нет?

– Нет, Василий Михайлович.

– Но вы, тем не менее, привязываете убийство извозчика... как его там?.. к обнаружению у убитого краденой лошади. Правильно ли я вас понял?

– Я допускаю такую связь и считаю ее весьма возможной. Крестьянин, хозяин кобылы, сказал: режут концы. Чем не версия?

– Ну, так поручаю вам ее проработать, – важно изрек начальник сыскного отделения. – И вообще: до моего отъезда в Карлсбад убийца должен быть найден! Или вы занимаете не свое место. – При этих словах Лукашевич встал, одернул сюртук игривого канареечного цвета и обратился уже к полицмейстеру: – За сим прощайте, иду на обед к губернатору.

Когда дверь за ним закрылась, Благово вздохнул, а Каргер тихо выругался.

– Когда наш Васенька отбывает?

– Через три недели, Николай Густавович.

– Хгм... Время есть. Не сомневаюсь, Павел Афанасьевич, что вы, как всегда, раскроете преступление. И мы с вами отдохнем полгодика от этого прощелыги... Докладывайте мне ход следствия ежедневно; если нужна помощь – не стесняйтесь.

Благово молча откланялся и спустился к себе на второй этаж. Там его уже подждал сыскной надзиратель Здобнов с пачкой каких-то бумаг; вид у него был озадаченный.

– Странное дело, ваше высокоблагородие. Наш Быткин оказался владельцем еще восемнадцати лошадей.

– Эко вывернуло! И где же весь этот табун?

– Розданы в пользование разным извозчикам, и Быткин ежемесячно получал за них плату. Вот, извольте почитать – я обнаружил книгу, которую он вел. Фамилия, адрес, кличка лошади, приход, долги... Все извозчики, как и покойный,

родом из одного села Слопинец; получается, землячество.

Благово внимательно изучил поданные бумаги: написано полуграмотно, но аккуратно. Месячный доход кунавинского мещанина выходил более ста рублей!

– Таким образом, убитый был подпольным извозопромышленником, – констатировал коллежский асессор. – А патента не брал...

– Для патента надобно капитал показать, а он этого, очевидно, не желал.

– Как думаете, Иван Иванович, откуда у него деньги на покупку двух десятков лошадей?

– Надо полагать, все его лошади, как и кислухинская, ворованные. Быткин был маклаком крупной шайки конокрадов, помогал сбывать. В их ремесле это самое трудное...

– Весьма разумное предположение. Тогда и убийство разъясняется: рубили концы по крупному делу. Не об одной покраже речь, а о целой преступной организации. Тумботинский мужик-то прав оказался. Роль офени, однако, по-прежнему непонятна. А что говорит участковый пристав?

– Да ничего толкового. Путает, недоговаривает и, похоже, врет. Думаю, Быткин держал его на довольствии, чтобы темными делами спокойнее заниматься.

– Понятно. И ничего не докажешь... А соседи?

– Так ведь Кунавино! Или татары – те ничего не скажут; у них на все один ответ: «не знай». Или наши пьяницы, те, сами знаете, полицию на дух не переносят. Но есть на углу лавочник, трезвый и умный, отставной унтер Михаил Архипов, вот он кое-что сообщил. Покойный, по его словам, был человек мутный и на руку нечистый. Лошадей менял едва ли не каждую неделю: покатается чуток и куда-то сбывает, а себе новую ставит. Работою себя не утруждал, а деньги имел немалые. Двор у него огромный, крытый, с конюшней аж на шесть стойл, и постоянно там была толкотня. Какие-то люди приезжали с грузами, уезжали, иные оставались по несколько дней. Фуража всегда закупал много. Жил один, с матерью только. Старая карга не хотела мне бумаги отдавать – насилу отнял!

Самое любопытное: по словам Архипова, быткинские гости часто заходили к нему в лавку, и многие из них были скрипинцы, а попадались и офени.

Благово стукнул себя по колену, вскочил и в волнении принялся ходить по кабинету. Здобнов следил за ним понимающим взглядом. Наконец коллежский ассессор остановился перед старым сыщиком.

– Вы понимаете, Иван Иванович, что это все разъясняет?

– Как не понимать. В один ряд выстраивается.

Село Скрипино стоит на старом Сибирском тракте, утратившем свое значение после строительства в 1862 году железной дороги между Москвой и Нижним Новгородом. Находится оно в самом отдаленном юго-восточном углу губернии и окружено несколькими деревнями: Княжуха, Ратманово, Посыпаевка, Ямское, Чуварлей, Шамарино... В Скрипино и прилегающих деревнях проживает более тысячи коновалов, которые занимаются своим промыслом по всей почти империи, от Сибири до Москвы и Кавказа. Западнее Москвы они не попадают, там свои эскулапы. Как и офени, скрипинские коновалы составляют закрытую касту, членство в которой передается из поколения в поколение. Репутация у коновалов нехорошая: молва обвиняет их в махинациях с самым дорогим, что есть у русского мужика, – с лошадьми.

Скрипинцы ходят от деревни к деревне и холостят жеребцов, быков и боровов[3 - Холощение широко практиковалось для получения добронравного рабочего животного.], а также занимаются лечением вообще любой скотины. Ремесло их отчасти ритуальное, для крестьянина почти мистическое; как и кузнецы, коновалы от века считаются колдунами. Подобно офеням, скрипинцы имеют свой тайный язык, непонятный постороннему. В центральных и поволжских губерниях они вытеснили всех других коновалов и создают сильную конкуренцию дипломированным ветеринарам. Спайка между скрипинцами железная, и в этом они схожи с самым отъявленным на Руси преступным сообществом – конокрадами. В народе поговаривают – и, видимо, небезосновательно – о стачке тех и других в деле хищения лошадей. Часто-де вскоре после ухода скрипинца пропадает лучшая лошадь. Еще говорят, что «скотские лекари» могут сделать здорового жеребца вдруг больным, а потом предлагают продать его побыстрее, чтобы выручить за него хоть что-то... Нередко они еще и лошадиные барышники: карманы у них набиты купчими с уже проставленными печатями волостных старшин. Скрипинцы, как и положено

коновалам, оставляют в деревнях в залог известные суммы с тем, чтобы на следующий год снова явиться с предложением своих услуг. Монопольное их положение добыто двухсотлетними, если не более, трудами; это-то и заставляет мужика, несмотря на дурную репутацию, иметь дело с этой кастой. Опять же и мужик попадаетеся разный... Ну, а про полицию Сергачского уезда и говорить нечего: она давно у скрипинцев с руки ест и покрывает все их проделки. Тамошний исправник один из самых богатых людей в губернии. Если Благово, к примеру, вздумает приехать в Скрипино со следствием, исправник и близко не подпустит губернского чиновника к тайнам преступного села.

– Да, Иван Иванович, ну и компания у нас подобралась: офени, скрипинцы и конокрады. Обычная для сыщиков ситуация: все знаем, дело за пустяком – доказать! Какие мысли на этот счет?

– Хм... Перво-наперво по кабакам надо бы потолкаться, особенно там, где собираются извозчики. Осведомителей настропалить, чтоб землю носом рыли. Конокрадов, которые в остроге сидят, пощипать или подсадить к ним агента.

– А как вы полагаете, Быткин единственный был в городе подпольный извозпромышленник?

– А ведь неплохая мысль, Павел Афанасьевич, – с уважением произнес Здобнов. – Поискать? Приметы те же: лошадей часто меняет, фуража много берет, имеет большой двор... Околоточных нужно опросить.

– Вот это правильно. А еще хорошо бы найти человека, который смог бы разведать эти дела своими путями.

– Вот тут уже не совсем понимаю, – развел руками сыскной надзиратель.

– Допустим, кто-то приехал в Нижний. К примеру, из Москвы. Темный такой человек... Деньги имеет, но показать их не хочет; вот и разыскивает, куда без шума поместить капитал. А поскольку он чужой здесь, то ходит, осторожно интересуется, не пылит.

– Разрешите мне, Павел Афанасьевич! – вскричал Здобнов и тут же осекся.

– Вот-вот. Сам все понимаешь. Какой из тебя приезжий? Тут нужен свежий кто-то, кого в городе не знают. И такой, кажется, есть.

Лифляндец Яан Титус прибыл в Нижний три недели назад на должность начальника стола розыска. До этого он служил в московской сыскной полиции, где прошел путь от простого агента до заведующего ломбардным отрядом[4 - Ломбардный отряд в составе сыскного отделения занимался поиском похищенных вещей.]; рекомендации от обер-полицмейстера имел самые хорошие.

Титус понравился Благово сразу: спокойный, наблюдательный, очень артистичный. Последнее выяснилось быстро, поскольку службу свою новичок начал с изучения города. Переодетый и загримированный, Яан преображался. Он создал типаж жуликоватого приказчика, лишившегося места и ищущего теперь, где бы чего прикарманить. В таком виде сыщик облазил все самые страшные притоны Гребешка и Гордеевки, завел приятелей в Грабиловке, подрался на Миллиошке. Подворотни, проходные дворы, подпольные кабаки-шланбои, воровские хазы и дома блатер-каинов[5 - Блатер-каины – скупщики краденого (жарг.).] он заносил в особый журнал. Скоро Титус уже хорошо знал «карман России», оставаясь при этом неизвестным уголовному элементу города.

Благово решил сделать ставку именно на этого человека. Яан сразу понял новую роль и подошел к ней очень тщательно. Он перекрасил свои русые волосы в тускло-рыжий цвет, мастерски нарисовал веснушки на лице и руках, франтовато завил небольшие усики и обзавелся большим флаконом фабриолина. Ему выдали паспорт почетного гражданина города Москвы на подлинное имя и поселили сначала в номерах Зефировой на Ошаре. Хуже обстояло с деньгами: чтобы играть ловчилу с капиталами, нужно было иметь некоторые средства. В смете управления полиции подобные расходы не предусматривались. Благово подумал-подумал и отправился к вице-губернатору Всеволожскому.

Андрей Никитич Всеволожский сделался нижегородским вице-губернатором только в феврале и имел пока скромный чин надворного советника. Ранее он состоял чиновником особых поручений при министре внутренних дел, до того долго служил на Кавказе. По должности именно Всеволожский наблюдал деятельность полиции, но у Павла Афанасьевича имелись и иные соображения. Во-первых, вице-губернатор был умнее и деятельнее Кутайсова и многие вопросы решал с ходу, используя свои связи в столице. Во-вторых, он являлся

одним из богатейших людей в России. В Петербургской, Московской и Пермской губерниях Всеволожскому принадлежало в общей сложности более полумиллиона десятин земли; имел он и золотые прииски, железоделательные заводы, доходные дома, паи в банках. Этот сказочно богатый человек, тем не менее, служил – разумеется, не из жалования. Андрей Никитич считал, что управлять страной должны люди образованные, ответственные и бескорыстные. Поскольку сам он был как раз из таких, то и не считал себя вправе уклоняться от государственной службы.

Всеволожский уже знал об убийстве и не удивился приходу сыщика. Благово сжато изложил вице-губернатору все, что удалось выяснить, высказал свои соображения и описал, как собирается ловить злодея. Узнав, что в убийстве, видимо, замешана целая преступная организация, занимающаяся конокрадством с большим размахом, Всеволожский пришел в волнение. Как человек государственный, он умел обобщать явления и смотрел на все под этим именно углом.

– Необходимо не только найти непосредственного убийцу, но и разрушить всю организацию, ежели она действительно существует. Тут дело чрезвычайной важности! Скорая война с Турцией неизбежна; ждать не более года. Россия к ней, как водится, не готова. Одной из важнейших составляющих военной силы государства является его конный потенциал. Здесь и кавалерия, и часть артиллерии, и гужевые потребности войска, с учетом неизбежной убыли от боевых действий. Военный министр Милютин хорошо это понимает, почему и ввел военно-конскую повинность и военно-конскую перепись. Как вы знаете, в уездах с января сего года созданы особые участки, подчиняющиеся губернскому по воинской повинности присутствию. Их задача – учет и предмобилизационная работа по конскому составу. Так эти мерзавцы сорвут нам мобилизацию! Опять же покража лошади у мужика лишает страну производительного работника и вселяет в народ неверие в дееспособность власти. Нельзя этого допустить! Не случайно дела о конокрадстве еще по указу Николая Павловича рассматриваются нашими судами вне очереди. Восемнадцать лошадей у одного мазурика... А сколько же их вообще свели?

– Хорошо бы послать запрос в Департамент общих дел министерства: пусть дадут справку по приволжским губерниям за три последних года.

– Запрос я завтра же телеграфирую, да еще со своей стороны постараюсь поторопить. Ваше решение о легендировании губернского секретаря Титуса я

одобряю. Вот вам полторы тысячи рублей для него на первое время; понадобится еще – только скажите.

– Андрей Никитич, может возникнуть потребность показать значительные средства. До тридцати тысяч.

– Тридцать тысяч! – ахнул вице-губернатор.

– Я дам вам расписку.

– Какую еще расписку! – рассердился Всеволожский. – Как будто вы эти деньги для себя берете... Процентные бумаги подойдут?

– Подойдут.

Вице-губернатор вздохнул и полез в тумбу письменного стола.

Вечером того же дня произошло еще два события, связанных с расследованием убийства на Московском вокзале.

Вернувшись от Всеволожского, Благово снарядил было курьера в Макарьевскую часть за Здобновым. Он хотел, чтобы тот привез лавочника Архипова. Столь толкового человека, непьющего и наблюдательного, следовало принять заштатным агентом полиции или, проще говоря, осведомителем. Но Иван Иваныч неожиданно приехал сам и привез отставного унтера с собой.

– Ваше высокоблагородие, – доложил он, – господин Архипов выяснил важные сведения по известному вам делу и сообщил мне. Я счел своим долгом доставить его сюда для личного свидания с вами.

Торговец, оказавшийся рослым красивым мужчиной, по-военному четко доложил следующее:

– Сегодня поутру ко мне в лавку зашел неизвестный, и при нем подмастерье из красильни Каширина. Красильня находится в Пирожковской улице, через два дома от зарезанного Быткина. Они промеж себя о чем-то говорили, и я вдруг слышу: подмастерье сказал, что Быткин, мол, знал того человека, который его

зарезал. До того я их совсем не понимал, потому говорили они на чудном каком-то, тарабарском, позвольте сказать, языке. А тут вдруг – по-нашему... Незнакомец-то еще сказал... Слова-то чудные какие, но я запомнил кой-что, слово в слово... Вот как он сказал: «капенить по лауде и пустить вохру, ежели юсы не отдаст, шонда хрустов»[б - Капенить по лауде – дать по голове; вохра – кровь; юсы – деньги; шонда хрустов – шесть рублей (жаргон офеней)]. Вот. Прямо ума не приложу, что это такое, по-китайски разве... А когда мужик, мол, за узду схватился и кричать принялся, тот-де, офеня который, отошел сперва, но недалече, стоял и слушал. При виде же городского подобрался к Быткину и словно бы прижался к нему на миг. Тот охнул, обернулся через плечо и говорит: «Гаврила, ты чево?» – да и повалился на спину, а изо рта у него кровавая пена пошла. А парень-то боком-боком – и ходу. Молодой, кудрявый, и левое ухо у него снизу разорвано. Вот.

– Стало быть, убийцу зовут Гаврила, и он имеет особую примету – рваное левое ухо?

– Так точно!

– А подмастерье как кличут?

– Имя ему Леонид, а фамилию не спрашивал. У Каширина числится.

– Молодец, Архипов. Спасибо за помощь следствию. Сядьте и напишите все, что мне сейчас рассказали. И кстати – не хотите ли поступить к нам заштатным агентом? За порядком в Кунавине приглядывать и нам сообщать. Два пятьдесят помесечная оплата, а за важные сведения вроде сегодняшних – отдельные наградные, до семи рублей.

– Деньги нелишние, ваше высокоблагородие, но... мне бы от околоточного защиту какую получить. Это бы лучше. Мзду вымогает, замучил совсем. Не дал я ему на Пасху, так он санитарного инспектора прислал, грозит лавку мою закрыть. А у меня в лавке чистота и порядок, ваше высокоблагородие! Это он со злобы...

– Как фамилия околоточного?

– Махоркин, ваше высокоблагородие.

– Разберусь я с твоим Махоркиным. Садись и пиши заявление о поступлении на заштатную службу, тогда тебе сам частный пристав будет не брат.

Радостный Архипов отправился писать, а в кабинет зашел агент 1-го разряда Форосков, малый умный и расторопный. Он вел за собой парня с бесхитростным крестьянским лицом.

– Ваше высокоблагородие. Жалоба поступила, и любопытная такая жалоба, имея в виду тот случай на вокзале. Прикажете доложить?

– Пусть сам расскажет. Что стряслось?

– Так что, вашебродие, в извозчики нас не пускают.

– Кого это «нас»?

– Нас. Мы крестьяне деревни Караваихи. И задумали, значит, патент приобрести. На извозчика. А оне нас не пускают.

– Вас – это тебя?

– Ага. Вот. Четвертый уж раз мы туды ходим, а писарь и старшина цеха отказывают. Мы знаем, что надоть. Лошадь, упряжь, коляску. Мы все это им представили. Ан нет!

– Может, ты под следствием состоял или недоимки имеешь?

– Нигде мы не состояли, и ничего за нами не числится, – гордо заявил парень. – А вымогают оне, чтобы я лошадь свою отдал взад – у соседа я ее арендовал – и взял другую. У Рубочкина. А зачем ее отдавать? Хорошая лошадь. А у Рубочкина купить стоит восемьдесят рублей или аренда три рубля в неделю. В ярмонку шесть. А у соседа рупь двадцать круглый год!

– Кто таков этот Рубочкин?

– Постоялый двор содержит. На Гребешке. Он завсегда у них при управе трется! И нам себя навяливает... Второго дня так прямо и говорит: «Ежели ты у меня лошадь не купишь, патента тебе не видать, сыч навозный». Вот! Так, выходит, стачка это, вашебродие. Чтобы деньгу из нас доить. Да. Вот.

– Теперь понятно. Форосков! Одень общеполицейский мундир и сходи-ка в ремесленную управу. Составь протокол и подготовь жалобу городскому голове. Но веди себя формально, пока этих орлов сильно-то не пугай. А за догадливость хвалю. Рубочкин этот может очень нам пригодиться...

Про извозопромышленника навели справки, и выяснилось, что прошлое у него весьма темное. Смолоду промышлял «карманной выгрузкой», потом воровал свинец с крыш; дважды сидел под следствием. Оба раза был оставлен в сильном подозрении, без приговора. Умный и хитрый. Последние годы вел как будто бы благонамеренный образ жизни, записался в купцы, исправлял законный извозный промысел. А теперь вот, похоже, оказался замешан в такое дело...

Итак, в Нижнем Новгороде появился новый человек. Ян Францевич Титус – рыжий лифляндец с хитрыми, неприятными, бегающими глазами и лицом продувной бестии. Голос вкрадчивый. Видно, что тертый и при деньгах, но род занятий неопределенный – типический грюндер[7 - Изначально грюндер – это биржевый маклер, но участие таковых в многочисленных финансовых махинациях сделали это слово нарицательным, оно стало обозначать просто мошенника.]. То ли банк разорил, то ли опеку разграбил, но что-то в этом роде... Поселился приезжий в Третьей Ямской улице, неподалеку от Крестовоздвиженского монастыря. И уже через день свел знакомство с владельцем постоялого двора Саввой Провичем Рубочкиным: зашел пообедать (при дворе был буфет), да и разговорился. Несколько дней кряду лифляндец столовался у нового знакомого, много болтал ни о чем, ходил кругами вокруг да около. Рубочкин чувствовал: готовит рыжий какой-то разговор, примеривается. И действительно, в субботу, встретившись у Николы на Гребешке, пришли они позавтракать и сели в отдельном кабинете. Титус велел подать мадеры. Выпили, и он завел такую речь:

– Я, Савва Прович, ежели помните, приехал к вам из Москвы. Прожил там четыре года, сменил несколько занятий, но вот пришлось уехать. Обстоятельства, знаете ли... Человек я деловой, сложа руки сидеть не люблю. Хочу с праздной жизнью покончить и опять к делам вернуться. Только вот города я вашего не знаю и людей тоже; нужен мне советчик, а может, и компаньон.

– Хгм... Понятные мне ваши слова, Иван Францевич. Сразу видать, что вы человек серьезный, не краснобай. Но чтобы вам совет подать, надобно знать род ваших прежних занятий: к чему склонность и навык имеете, каким капиталом располагаете. А иначе что я могу сказать? Вон, есть хорошее, доходное дело – кругляк возить из Семенова в безлесые южные уезды. Там, как говорится, хворостины не найдешь скотину со двора согнать; осенью за дрова любые деньги взять можно. Надо ли вам это?

– Нет, Савва Прович, дровяное дело не по мне. Сколько там заработаешь? Меня привлекают те промыслы, где прибыль побольше. Последнее мое дело – скупка в Первопрестольной серебряной монеты. Вот это бакшиш! Там главное – кассира иметь знакомого. Размениваешь у него будто бы ассигнации на серебро, а потом сбываешь втридорога.

– В Германию возили?

– И в Германию, и в Англию. Мы, русские, известные дураки: у нас на монету идет металл такой пробы, что иностранцы вдвое больше начеканят. Да и курс на русские ассигнации на Берлинской бирже такой, что, ничего не делая, можно хорошо заработать. Потому при переводе бумажек в металл и обратно есть лазейки для оборотистого человека. Так что торговал я... деньгами. До сорока пяти процентов годовых выгонял! Три кассира на меня работали. Еще бы годика два так-то, и можно было бы на покой уходить. Но не успел. Власти спохватились, что серебро за рубеж уходит, и гонения начались. Так всегда перед войной бывает. Когда Крым громили, то же наблюдалось; сейчас с турками войны ждут, и опять строгости... Пришлось не только лавочку прикрыть, но и вообще из Москвы спасаться. Кассиры мои сейчас под следствием, а меня, не побоюсь сказать, голыми руками не возьмешь.

– Ну, это видно. А капиталом каким, позвольте узнать, располагаете? Предприятие, значит, чтоб начать...

– Тысяч двадцать, а то и двадцать пять я бы в хорошее дело вложил. – Рубочкин долго молчал.

Раздумывал, наблюдал за Титусом. Потом кликнул полового, спросил две рюмки коньяку. Мужчины степенно выпили.

- Двадцать пять тысяч очень хороший капитал, Иван Францевич. Вот только показать-то вы его сможете?

- В том-то вся и беда, Савва Прович. При моих обстоятельствах... Нет, не могу. Может быть, через годок-другой, но не сейчас. Но деньги должны делать деньги! Не могу же я год сидеть без дела. Думаю ссудную кассу открыть. Сорок пять процентов не выгонишь, но все больше, чем доходные бумаги обещают. Вам случайно не нужно?

- Мне нет. И вообще я бы отсоветовал в рост отдавать - в чужом городе и прогореть можно. А в полицию вам соваться интересу мало; и как будете долги возвращать?

- Ну, на то есть особые люди.

- Их еще найти надо. А как вам, к примеру, извозный промысел? Купить лошадок, раздать я помогу - да и собирать себе прибыль. А?

- Подумать надо. Какой там процент выходит?

- Пятиалтынный на рубль, а в ярмарку и того больше.

- Ну, ярмарка ваша только два месяца, а в остальное время это тихий городок из неважнецких. Куда я лошадей зимой дену? А наличные людям круглый год нужны.

- Зря сомневаетесь, Иван Францевич. Вы со мной откровенно, и я с вами так же. Скажу прямо: я в этом деле уж третий год. Сейчас у меня под девяносто лошадей, а скоро будет все сто. По бумагам это нигде не числится, сборов я никаких не плачу, всю прибыль кладу в карман.

- То есть можно как-то исхитриться и не брать патента?..

- Истинно так.

- А много ли, простите, доходу?

– До шести тысяч в год.

– Хорошие деньги! Но... надобны ли в Нижнем еще извозчики?

– Не о Нижнем речь. В Батусю бы пролезть, как ее наши друзья прозывают[8 - Батуся – Москва (офенск.)]. Мы бы там так развернулись! Есть ведь у вас там знакомства?

– Экие вы вещи говорите, Савва Прович! Знакомства-то есть, да не ко времени это сейчас. Я оттуда едва ноги унес, а вы опять меня туда посылаете. И потом: деньги мои, знакомства мои. А ваш взнос какой?

– Мои будут лошади. Много, хорошие и недорого. Их вообще можно будет в рассрочку брать. Ставите задаток, а остальное в течение года; а кобылки уж работают, копеечку несут.

– О-о... Вот это уже другой разговор! Ежели одним задатком обойтись да сотенки две-три лошадок эдаким макарон завести, то профит уже достойный. Найдется ли у вас триста лошадей в течение года?

– У меня их найдется пять тысяч.

В комнате повисло гробовое молчание. Титус машинально налил себе мадеры, так же машинально выпил. Потом откинулся на спинку стула и принялся внимательно, будто только что увидел, разглядывать собеседника.

– Так... И все с купчими?

– Все.

– Но... не из донских степей?

– Нет, поближе будут. Если уж мы с вами такое дело обдумываем, то я вам как родному. Лошади все хорошие, здоровые, много и рысаков, но надобно их из поволжских губерний удалить. В Москву, Петербург, Киев...

– По пять тысяч в год? Гарантируете?

- Покуда меньше, но только оттого, что трудно сбывать. Ежели мы с вами вдвоем решим эту загвоздку, то по тридцати тысяч в год можно заработать. На каждого.

В глазах лифляндца полыхнула алчность. Он задумался, что-то прикидывая.

- Стало быть, у вас организация. Сколько же нужно людей, чтобы укр... доставить эдакую прорву лошадей?

- До ста наводчиков - это всегда офени. Пятьдесят коновалов - спрятать на первое время, перековать, поменять приметы и нарисовать купчие. Ну, и две сотни самых главных людей, которые ночью ворота ломают.

- Сколько же вы губерний так накрыли? Четыре?

- Шесть.

- Основательно. Но уж больно опасно. Столько человек в деле - кто-нибудь да проболтается. Накроют всех, а мне еще и старое припомнят!

- Бог не выдаст, свинья не съест. У нас несколько конных заводов и есть главная станция. Документы всегда в порядке. Полиция на довольствии; в случае чего, сразу предупредят. Но здесь, в поволжских губерниях, нам уже тесно. Надо идти в столицы.

Титус молчал, раздумывал. Потом поднял глаза на собеседника, умные, жадные.

- Не надо вам ни в какую Москву. Даже там пять тысяч голов не продать. А надобно вам - в армейский ремонт! [9 - Ремонт - пополнение выбывшего конского состава по свободным ценам, в отличие от поставок на основе военно-конской повинности.]

- Это мы давно пытаем, да все никак. Вот ежели вы поспособствуете?

- Слушайте меня внимательно, Савва Прович, - с жаром проговорил Титус. - Военную службу я проходил писарем в 12-й кавалерийской дивизии. Там такие дела делались! И сейчас делаются. Вы знаете, к примеру, сколько лошадей

потребляет один полк?

- Нет, я не служил-с.

- Примерно восемьсот строевых, тридцать пять вьючных и до восьмидесяти упряжных и гужевых. А сколько в российской армии таких полков?

- ?

- 14 гвардейских и 46 армейских. Я не беру казаков и прочую нерегулярную конницу - те снабжаются строевым конским составом сами. А указанные мною части получают лошадей от Военного министерства. Занимаются этим полковые ремонтеры - верховыми лошадьми, и Главное интендантское управление - остальными. Так вот: мой прежний начальник по 12-й дивизии стоит в самом центре этой системы. Сейчас он в военно-окружном управлении [10 - Военно-окружное управление - штаб военного округа.] Варшавского военного округа, в мобилизационном отделении, начальником подотдела живого инвентаря. Знаете, что это означает?

- Не очень.

- А вы вообще пытались с ремонтерами наладить контакты? Имеете о них представление?

- Да продал как-то пяток лошадок. Приезжали какие-то ребята...

- То были именно ребята. Настоящие армейские ремонтеры - гвардию не берем, - это такие прожженные бестии, что к ним на кривой козе не подъедешь! Каста похлеще розенкрейцеров. Они все друг друга в лицо знают и работать стараются токмо по рекомендациям. Кто туда один раз попал - король. Иные до ста тыщ в год службы сколачивают.

- Сто тыщ!

- Истинный крест! Пьют они, конечно, ведрами, но разума не теряют - нельзя! Сами понимаете, какая у них служба: огромные деньги на руках, море соблазнов - легко и угореть. Потому ремонтеры объединяются как бы в клуб. В случае чего

помогают друг другу наличностью к ревизии, заказы делят по-братски, нужных человечков по эстафете передают. От которых взять не опасно... От кого попало не берут-с! Ох и тертый народ... Так вот: прежний мой начальник, о коем я уже упоминал, у них в большом почете. Он среди ремонтеров вроде как предводитель дворянства; потому должность у князя такая.

– И у вас князь?

– Да. Я уж тоже как на духу... Это подполковник князь Порюс-Визапурский, Антон Львович. Сумской гусар. Командует над всеми ремонтерами Варшавского военного округа. А сила его в том, что в Военном министерстве у него дружки сидят. Полковники, майоры: обычные на вид офицеры, только богатые, как крезы. Они, когда что-то покупают от казны, часть выданных сумм себе обратно забирают. Вроде комиссии – за то, что именно у тебя купили. Ежели эти господа тебя не знают – ни за что не купят, потому – опасно. Вдруг ты в полицию побежишь? Поставку берут только у проверенных, которым их условия известны и которые непременно все до полушки потом в конверте принесут. Князь Порюс-Визапурский умеет таких людей находить, что очень устраивает господ интендантов; он – проверенный посредник. Князь помнит меня, как мы с ним в 12-й дивизии вместе копейку чеканили. Если заинтересуем его вашим предложением, считайте, дело сделано. Все пять тысяч ваших кобылок уйдут со свистом, и это можно будет делать ежегодно!

Титус говорил вполголоса, очень убедительно, и тенорок его даже подрагивал от предвкушения грядущих доходов. Незаметно для себя он облизывал губы и подшмыгивал носом, елозил под столом ногами и вообще выглядел целиком поглощенным новой идеей. Рубочкин тоже загорелся и записал на бумажке замысловатую фамилию князя-ремонтера.

– Только, Савва Прович, у меня два условия, – строго заявил лифляндец.

– Слушаю вас со вниманием.

– Первое, это то, что я тоже в доле должен быть. Непременно! Пять процентов – это моя цена. Без меня вы, извините, не то что к князю – к заурядному ремонтеру на порог не ступите: каста! А с «ребятами» лучше не связываться.

– Ага. Это я, видите ли, должен с главным обсудить. А какое второе?

– Оно как раз с вашим главным и связано. Прежде, чем князя тревожить, я должен с предводителем вашего дела познакомиться и обстоятельно все обсудить. Князь Порюс-Визапурский – мой главный в жизни лотерейный билет. Я давно ищу, как бы мне под его крыло вернуться... С пустыми руками приходиться нельзя; обратиться к нему, сами понимаете, я могу лишь один раз. Ежели дело окажется, извините, липовым, я уж больше никогда не смогу рассчитывать на благосклонное внимание его сиятельства. Ваше предложение, Савва Прович, кажется серьезным и, так сказать, по калибру князю. Ежели оно выгорит, мы с вами себя на всю жизнь обеспечим. Но я должен убедиться! Пока что есть только ваши слова, этого мало. Я должен увидеть все ваше дело: главную станцию и человека, который всем заправляет. Иначе никак: не будет вашего согласия – не будет и моего участия.

– Понимаю вас, уважаемый Иван Францевич. Поймите и вы меня – не я команду. Я доведу ваше условие до... и тот уж сам будет решать. С вашей стороны мы тоже ведь тоже покуда слышим одни слова. Ежели ваша встреча с нашим головой состоится, думаю, следующей должна быть моя встреча с вашим князем. И коли все сладится, тогда и начинаем вместе дело варить.

– Разумно и толково. А чтобы нам с вами в Варшаву не кататься, вот мое предложение. В газетах написано: государь наконец утвердил бюджетную роспись на второе полугодие. Значит, князь через неделю сам приедет в Петербург: в Военном министерстве будут деньги делить. Там всех сразу и увидите.

– У нас, извольте видеть, верховых-то лошадок немного, а больше эти... как вы их там назвали?

– Вьючные, упряжные и гужевые.

– Вот-вот. Значит, нам полковые ремонтеры не так важны, а нужнее-то интенданты – так я вас понял, Иван Францевич?

– Ежели строевых коней мало, князь их сам пристроит в Варшавском округе. А прочие сорта это уже дело интендантское, тут надо в Военное министерство залезать. К тем людям, о которых я говорил. Князь, говорю я вам, тамошние двери ногой открывает. Так что ежели успеете меня на этой неделе с вашим головой свести и мы друг другу глянемся, то на следующей уже поедем к Антону

Львовичу.

Когда Благово пришел к Всеволожскому, тот стоял потрясенный у окна и читал какую-то бумагу. Увидел сыщика и замахал ею:

- Пришел ответ из министерства. Как вы думаете, сколько лошадей умыкнули в прошлом годе в поволжских губерниях, считая Казанскую?

- Где-то четыре тысячи восемьсот.

- Но откуда вы знаете, Павел Афанасьевич? - опешил вице-губернатор. - Действительно, именно столько. Из них разыскано четырнадцать. Как вы узнали?

- Мы вышли, как я и обещал, на след этой организации. Титус вступил в переговоры с их, так сказать, представителем в Нижнем Новгороде, неким Рубочкиным. Сейчас готовится встреча Яана с их вожаком. У них есть, как они ее называют, главная станция, именно там они укрывают ворованных лошадей. И держат там до продажи... Где она, мы пока не знаем. Титус поедет туда оценить предприятие и устроит затем ответную встречу с главным ремонтером Варшавского военного округа.

- Что еще за ремонтер?

- Подполковник князь Порюс-Визапурский.

- И что, он станет нам подыгрывать? Как мы его в это вовлечем?

- Роль князя сыграю я. В действительности такого человека не существует, мы его просто выдумали.

- А почему именно князь, да еще с такой странной фамилией?

- Для правдоподобия. Эти люди невысокого мнения о нас. Они полагают, что никому в полиции не придет в голову присвоить для легенды вместо Иванова фамилию единственного в России индийского княжеского рода. Большинство в

империи даже не подозревает, что таковой вообще существует.

- Да, и я в их числе. Неужто у нас есть индийские князья?

- Только эти. Старинная династия раджей города Биджапур. Изгнана англичанами в XVII веке, перебралась в Россию. В 1826 году указом Николая Павловича утверждена в княжеском достоинстве Российской империи. Малоизвестные, захудалые, но сиятельства – как раз то, что нужно. Один Визапур даже встречался с Наполеоном в Москве, в двенадцатом году. Застрял случайно, не успел выехать и пытался придать себе лишнее значение... Предложил себя в посредники императорам! Были и еще чудачки. Последний Визапур умер десять лет назад, и род пресекся, так что мы ничьих чувств не заденем.

- Но вы же совершенно не похожи на индуса!

- Пушкин тоже на арапа не слишком походил. Перекрашу волосы в смоль и чуть затемню кожу – и того довольноно.

- Вашу легенду непременно попытаются проверить. И в первую очередь среди конезаводчиков: поставляли ли они конский состав в Варшавский военный округ? Есть ли там такой князь-ремонтёр?

- Я и это предусмотрел. Если в Военном министерстве меня поддержат – а Милютин человек умный, – то варшавский конец легенды мы поручим им. Что же касается конезаводчиков, то я связался по телеграфу с сыскной полицией Новочеркаска. Именно в Войске Донском находится большая часть российских заводов. Я попросил коллег подготовить двух-трех авторитетных людей. Из числа тех, кто занимается поставками лошадей и готов при этом негласно помочь полиции. При попытке навести справку о князе Порюсе конезаводчики подтвердят наличие такого офицера и укажут на его высокое служебное положение.

- Павел Афанасьевич. Скажите как на духу: эта роль опасна для вас?

- В Петербурге – нет; там я встречу только с Рубочкиным, да и Титус будет всегда под рукой. А вот когда поеду на главную станцию, то окажусь целиком во власти этих людей. И они будут меня всячески проверять.

– Нельзя ли этого избежать?

– Нельзя, Андрей Никитич. Предприятие у них огромное, охватывает шесть губерний. Выстроен сложнейший механизм. Представляете: пять тысяч лошадей в год! Это значит, ежедневно они сводят до пятнадцати голов. А их мало украсть, нужно куда-то переправить, спрятать, нарисовать фальшивую купчую. Возможно, переменить приметы. Кормить, поить, а потом продать так, чтобы полиция не разнюхала. Увязать в одну цепочку офеней, скрипинских коновалов, конокрадов, извозопромышленников; наверняка замешаны и некоторые конезаводчики. Человек, который все это придумал и создал, – гений. И мы ловим именно его. Не поймает, он отлежится, затаится на год-два – и снова закрутит что-то подобное. А из этого кабинета нам его не поймать. Оцените масштаб дела. Пять тысяч лошадей даются им даром, а сбывают воры их рублей за сто – сто двадцать. Кони у них только хорошие – плохих не берут, стоят они дороже, но им приходится делать скидку, чтоб быстрее продать. Значит, годовой доход шайки составляет примерно полмиллиона рублей. Теперь расходы. Пятерку (вряд ли больше) офене-наводчику, рублей пятнадцать коновалу, и больше всех тем, кто непосредственно рискует – конокрадам. Думаю, им достается рублей по пятьдесят с каждой лошади. Общий расход, таким образом, составляет семьдесят рублей с головы. Накинем еще червонец: на прогон лошади до главной станции или иного укрытия, на фураж, пока не найден покупатель, и тому подобные вещи. Вроде подкупа полиции... Итого чистый доход хозяина дела – двадцать рублей с головы, или сто тысяч рублей.

– Сто тысяч! – ахнул вице-губернатор. – У нас и Бугровы столько не выручают!

– Пора приструнить этого гения. У него в этом замысле одна ахиллесова пята.

– Сбыт?

– Сбыт. Куда деть с выгодой такую уйму лошадей? Вот не успели они вовремя отогнать кислухинскую кобылку и чуть было не погорели. А я предложил им такую наживку, что не смогут они утерпеть не попробовать ее на зуб. В Польше и Подолии располагаются основные части нашей кавалерии – более пятидесяти полков. Потребность в конском составе огромная. Не удержатся они от такого соблазна – разом решить проблему сбыта. Главарь выйдет из тени ради знакомства с князем Визапурским, тут-то мы его и возьмем.

– Для маскарада в столице вам понадобится помощь не только градоначальника, но и министерства.

– Даже двух: внутренних дел и военного. Надо будет предъявить Рубочкину нескольких офицеров: от интендантского управления и от управления казачьих войск. Их роли исполнят служащие петербургской сыскной полиции, но спектакль будет игратья отчасти в служебных помещениях этих ведомств. Разрешение на это может дать только военный министр. Кроме того, мне придется перемещаться по столице в мундире подполковника. Там, конечно, у каждого фонарного столба по штабс-офицеру, но Милютина придется поставить в известность и об этом.

– Я возьму эти проблемы на себя. Что еще можно или нужно сделать, Павел Афанасьевич?

– Имеются две зацепки. Если главная станция находится в Нижегородской губернии, можно попытаться обнаружить ее загодя, чтобы лучше подготовиться к штурму. Отличительные приметы: большой конный двор, лошади постоянно меняются. Крупные закупки фуража. Расположен в укромном месте. Много работников, но все отличаются скрытностью, чужих не жалуют. Водопой поблизости. Большая потребность в ковочном материале. Это или конезавод, или гуртовое дело, или замаскировано под скотобойню. И скорее всего, станция где-то на юге, возможно, неподалеку от того же Скрыпина.

Вторая зацепка – это, скорее, догадка. Когда Титус впервые упомянул Порюс-Визапурского, Рубочкин проговорился: «И у вас князь?» Возможно, их главарь тоже носит титул, и я даже догадываюсь, кто бы это мог быть.

– Павел Афанасьевич, мы непременно должны уничтожить эту гидру. Вы понимаете, какой ущерб они наносят государству? Крестьянские лошади у нас слабосильные: тяжелой работы много, а всю зиму они питаются одной соломой. Правительство пытается улучшить породу, для чего в провинции создаются случные пункты, куда на известное время помещается жеребец с государственного завода. Так эти негодяи изымают самых хороших! Ведь дело только представляется мелочью. Подумаешь, скажут: в России двадцать миллионов лошадей, что такое пять тысяч? А когда поймешь, что изымается элита, которую в нашей деревне и так по пальцам перечесть, тогда уже возникает понимание. Мы с вами, как верные государевы слуги и люди с пониманием, должны наизнанку вывернуться, но этого «гения» прикрыть. Иначе

он испортит нам и армию, и деревню!

Через два дня после разговора Рубочкин пришел к Титусу на квартиру. Ян увидел его в окно и успел усестыся за стол с толстой пачкой банкнот, которые с сосредоточенным видом принялся пересчитывать и записывать цифры в тетрадь. Расчет оправдался: увидев деньги, извозопромышленник долго не мог оторвать от них глаз и не сразу вспомнил, зачем явился. Титус понял, что на жадности этого человека можно играть любую мелодию...

- Наследство получили, Иван Францевич?

- Эх, Савва Прович! Таким, как мы с вами, всего приходится добиваться самим. А это так, чтобы со скуки не пропасть: в рост отдаю помаленьку.

- Под какой процент, позвольте полюбопытствовать...

- Двадцать.

- И что, есть желающие? Поосторожнее бы... Вы человек приезжий, цену здешнему люду не знаете. А ну как не вернут?

- У меня не забалуешь. Вот (похлопал по столешнице) закладная на землю и недвижимость по улице Телячьей. Семь десятин-с. Залог-с! И долговая расписка. Нет, не забалуешь.

- Сразу видать делового-то человека, - пробормотал Рубочкин. - Ну, ладно; я ведь по нашему прошлому разговору пришел. Собирайтесь - поедем знакомиться с головой, как просили.

- И в вас сразу видать человека слова, - похвалил гостя Титус. - Сей же час и соберусь. Ехать далеко ли?

- Коли к полудню выберемся из города, то завтра ввечеру обернемся. Заночуем на станции, заодно и осмотрите.

– Тогда заедем сперва в Николаевский банк, оставлю там на хранение деньги и бумаги. Коляска при вас?

– Уже заложена, дожидается на постоялом дворе.

– Заезжайте за мной через три четверти часа, я покуда соберусь.

Так Титус отправился в опасное путешествие. Сначала они спустились вниз по Волге до Лыскова, откуда свернули на юг и через Княгинино к пяти часам прибыли в Сергач. По пути дважды меняли лошадей, а заодно пили на станциях водку и закусывали холодной осетриной с хреном. Настроение Саввы Провича после второй остановки приподнялось. Он принялся заново расспрашивать Титуса, сколько вьючных лошадей положено офицерам в линейном полку и сколько санитарных повозок состоит в обозе первого разряда.

В Сергаче начались неожиданности. Их встретили два угрюмых мужика и пересадили в закрытую коляску с наглухо занавешенными окнами. Один угрюмец уселся на облучок, а второй забрался внутрь и следил, чтобы гость не отдергивал занавесок. Когда же одна из них на ухабе сама отклонилась, обнаружилось, что стекла кареты снаружи забелены.

Так они катили куда-то дотемна, всю дорогу молча и даже без остановок. Титус был невозмутим. Уже в двенадцатом часу ночи, когда спать хотелось больше, чем есть, прибыли на место. Въехали в какой-то плохо освещенный двор, выгрузились и прошли в дом, пропахший конским потом и навозом. Угрюмые мужики сдали гостей шустрому румяному деду в домотканой рубахе и портах, седому, опрятному, чем-то похожему на старообрядца. Тот, ласково воркуя, но не спуская с Титуса глаз, постелил им в чистой горнице. Дал умыться, угостил остывшей телятиной и ушел, пожелав доброй ночи.

Титус, утомленный дорогой, скоро уснул. Утром его разбудил Рубочкин, уже одетый и прибранный, и повел завтракать.

Главная станция оказалась большим помещьем с конным заводом. Вдалеке на горе стоял барский дом – белый, с колоннами и двумя флигелями по бокам. Еще дальше виднелось селение с пятикупольным храмом красного кирпича, крытым зеленой жестью. Крестьянские избы густо обрамляли пруд и тянулись в четыре порядка в сторону широкого тракта. Перебрав приметы, подготовленные ему в

управлении полиции, Яан понял, куда его привезли и к кому. Подозрения Благово подтвердились...

Они шли к главному дому по большому огороженному пространству, разделенному на несколько отдельных, значительных по размеру загонов. В трех из них плотно стояли лошади, особо паслись кобылы с жеребьятами. В самом малом отсеке разгуливали пять или шесть отборных разномастных жеребцов отличных статей. С десятков конюшен окаймляли завод изнутри; дымилась кузня, сновали телеги с кулями овса, слышалось непрерывное ржание.

К Титусу приставили парня лет двадцати пяти – кудрявого, плечистого, с шалыми глазами. Мочка левого уха у него была снизу надорвана. Хорошего чичерона мне нашли, подумал про себя Яан, одним ударом человека убил и скрылся, ловкая шельма... Видимо, после случившегося Гаврилу решили спрятать подальше.

Так втроем они приближались к усадьбе. Рубочкин показывал и рассказывал:

– Вот здесь у нас штучные скакуны. Обратите внимание на того, мухортой[11 - Мухортый – гнедой с желтоватыми подпалинами.] масти. Чемпион! Кличка ему – Абрек. Прыти необыкновенной, три года в Казани все призы брал. Теперь его торгует один адыгейский князь. Цена Абреку – четыре тысячи.

– А какова средняя цена лошади?

– Плохих тут нет ни одной, берем только справных. Цена обычной хорошей лошади примерно сто двадцать рублей.

– Людей где находите, таких, чтобы не болтали?

– Работники тут двух сортов. Одни – местные, из ближних деревень. Предупреждены; пока случаев не было. Их дело, так сказать, крестьянское: напоить, выскоблить, навоз подобрать. Для других дел, где нужна сноровка особого рода – нанимаем. Вот, вроде нашего Гаврилы. Берем беспаспортных, поселяем, кормим-поим и деньгами не обижаем.

– Поди, и беглые есть?

– Мы об этом не спрашиваем, – сухо ответил Рубочкин.

– А я ведь, Савва Прович, не из любопытства интересуюсь, – обиделся Титус. – Большое дело обдумываем, здесь мелочей нет-с. Полиция беспокоит?

– Местная нет. От урядника до исправника все на коште состоят. А если губернская вздумает явиться, мы про то завсегда наперед узнаем.

– А вдруг облава? Тайная, через голову исправника.

– Здесь, Иван Францевич, облаву сделать не можно. Все устроено так, что мы в любом случае будем предупреждены. Как – не скажу, но на сей счет не извольте беспокоиться.

Через четверть часа они входили в главный дом. Их вежливо приветствовал управляющий – высокий седобородый старик с выразительным лицом, явно один из главных здесь людей. По его приказу лакей провел Титуса с Рубочкиным в просторную залу и усадил в дорогие кресла супротив письменного стола, а сам занял позицию за спиной у гостя. Прошло несколько минут, дверь наконец отворилась, и появился осанистый, в бакенбардах, офицерского вида человек с лицом несколько помятым, но благородным. Он важно кивнул сидящим, сел за стол и молча уставился на Титуса. Тот тоже молчал, потом недоуменно посмотрел на своего соседа, но извозопромышленник отвел глаза.

– Ну, – заговорил наконец хозяин, – это вы готовы свести нас с ремонтёрами линейной кавалерии?

– Савва Прович, – обратился гость к Рубочкину, совершенно отвернувшись от стола, – мы же договорились, что встречаемся с первым лицом.

– Первое лицо перед вами, Иван Францевич.

– Да? Ну так я сейчас встану и уеду. А вы потом д-о-олго будете искать пароль к кавалеристам...

«Хозяин» смешался, оглянулся на дверь. Она открылась снова, и вошел новый человек: среднего роста, среднего возраста и среднего сложения. А вот глаза у

него были не средние: пронзительные, необыкновенно умные, они словно бы видели собеседника насквозь. При этом – смуглое, скуластое лицо с сильной примесью татарской крови. Кивком головы вошедший выгнал из-за стола своего двойника, сел на его место и полуулыбнулся Титусу.

– Приносить извинений не стану. Называйте меня Сергеем Сергеевичем.

– Как вам угодно, князь.

Главарь вопросительно посмотрел на Рубочкина. Тот вскочил и развел руками:

– Ни единым словом!

– Была одна обмолвка, и мне ее хватило, – усмехнулся Титус. – Вы князь Мамин, Сергей Сергеевич. Конезаводчик, хотя завод ваш мало известен. А нахожусь я в вашем имении в селе Чуварлей.

– Bravo! – вяло хлопнул в ладоши Мамин. – Вам удалось меня удивить, господин Титус, а это случается не часто.

– И в мыслях не имел фразировать вас, князь. Но и вы войдите в мое положение. Не могу же я объявить Порюс-Визапурскому, что договаривался о большом деле с неведомым Сергеем Сергеевичем, коего даже фамилии не знаю. Такая беседа не может иметь желательного для нас с вами продолжения. Посему пришлось навести справки.

– Что ж, готов согласиться. Теперь моя очередь вас удивлять. Гаврила!

Вошел офеня с рваным ухом и вручил конезаводчику какую-то газетную вырезку.

– Узнаете?

Титус вскочил, лицо его побагровело, глаза почернели от злости.

– Вы... посмели залезть в мой шкаф?!

Это была вырезка из «Московских ведомостей». В статье рассказывалось о разоблачении шайки мошенников, вывозивших огромными партиями российскую серебряную монету за рубеж. Упоминались фамилии трех арестованных кассиров. И отмечалось также, что предполагаемый главарь шайки, названный инициалами Я. Ф. Т., успел скрыться. Буквы были подчеркнуты карандашом, а саму вырезку Титус перед отъездом сдал в Николаевский городской банк.

– Да не волнуйтесь вы так, Ян Францевич. Деньги ваши, все двадцать восемь тысяч сто сорок рублей, преимущественно в доходных бумагах (хорошие, кстати, бумаги!), целы. И находятся в личном вашем банковском шкапу. Возвращаю вам и статейку. Так, обычная проверка.

Титус постоял, подумал, затем сел и посмотрел на Мамина хоть и с досадой, но почти спокойно. Вырезку он сложил и сунул в карман сюртука. Идея со статьей принадлежала Благово. В Москве действительно шел процесс над мошенниками, вывозившими из государства монету. Главарем шайки был некий Яков Федотович Трофимов, находящийся сейчас в бегах. Полное совпадение инициалов и натолкнуло сыщика на мысль, оказавшуюся столь полезной.

– Итак, князь, – хладнокровно произнес гость, – довольно состязаться, кто кого удивит. Перейдемте к делу. Я свое место знаю: я всего лишь посредник. Но очень важный посредник – без меня вам не выйти на варшавских ремонтеров. Там такая шайка, и уже столько лет... Держатся только за счет осторожности, а я для них человек свой. Поэтому мое условие – пять процентов. В конце концов, вы просто вставьте их в отпускную цену. Это же армия – она все съест!

– Возможно. Что вы готовы предложить нам со своей стороны?

– Подполковника князя Порюс-Визапурского, начальника отделения живого инвентаря военно-окружного управления Варшавского военного округа. Комплектация кавалерии, конной артиллерии, а также гужевых потребностей всего округа – включая пехотные части, крепостные команды и саперные батальоны, – все в его ведении. Кроме того, князь может свести вас, если, конечно, захочет, с Киевским и Одесским округами – там у него всюду приятели. Самое же главное – его знакомства в Главном интендантском управлении Военного министерства. У вас ведь лошади по большей части не верховые, а рабочие, не так ли? А это уж не полковые ремонтеры, а министерство.

- Хгм... Сколько он за это потребует?

- Об этом, полагаю, следует спросить самого князя. Его сиятельство очень расчетлив и уже основательно богат. Предполагаю, что за поставки в свой округ он потребует не менее трети, в прочие же округа - от пяти до семи процентов.

- Согласится ли он прибыть сюда для переговоров со мною?

- Не уверен. Ремонтеры - люди балованные, привыкли, что приезжают к ним.

- Это исключено: я никогда и никуда отсюда не выезжаю.

- Странные условия... Это может стать препятствием делу. Князь - человек военный. Хотя... командировка на конезавод вполне может вписываться в его служебные обязанности. Не знаю. Могу лишь обещать, что сделаю все, что в моих силах, чтобы убедить его приехать.

- Постарайтесь же, иначе останетесь без коммиссионных. Господин Рубочкин поедет с вами в Петербург, посмотрит на вашего князя. Он что, и вправду индус? Индус-ремонтер, ха! И если Савве все понравится, а подполковник не прочь будет прогуляться в провинцию, привозите его сюда, в Чуварлей. И только когда мы между грушей и сыром[12 - Французское выражение, обозначающее «в конце обеда» (о деловой договоренности, достигнутой за столом).] ударим по рукам, только тогда вы получите свои пять процентов. Договорились? Тогда пожалуйста завтракать.

Благово приехал в Петербург страшно взвинченный. Предстояло условиться с тремя инстанциями, затем надеть чужую личину и сыграть трудную роль перед опасным и умным противником. Чувство охотника, идущего с рогатиной на медведя: конечно, я его... но всякое может быть.

Сначала коллежский ассессор пришел на Офицерскую, 26, где встретился с начальником столичной сыскной полиции Иваном Дмитриевичем Путилиным. Выдающиеся способности этого человека дополнялись изрядной долей хохлацкой хитрецы, даже самый говор его был чуточку малороссийским. Путилин принял незнакомого ему нижегородского коллегу сразу же,

внимательно выслушал и понял все с полуслова. Без проволочек он вызвал трех подходящих по фактуре агентов и поручил им включиться в игру. Вошинин и Шереметьевский должны были сыграть офицеров двух Главных управлений Военного министерства – интендантского и нерегулярных войск. Ицка Рабинович, вкрадчивый и проницательный, представлял тип польского еврея-фактора, без которого любые поставки в Привисленский край давно уже сделались невозможны.

Окрыленный их беседой, Благово поехал на следующую встречу – с главой Особой канцелярии министра внутренних дел Маковым. Канцелярия помещалась на Почтампте.

Лев Саввич Маков оказался стройным молодежником с роскошными кавалерийскими усами и лихо-начальственным взором. Мундирный фрак с орденом Белого Орла и знаком Пажеского корпуса сидел на нем, точно гусарский доломан. Года на два лишь старше Благово, а уже тайный советник. Как люди делают такую карьеру? Столичная молва в скором времени прочила Макову пост товарища министра, а со временем, возможно, и сам министерский портфель. Александр Егорович Тимашев уже десять лет возглавлял министерство внутренних дел, и, как говорили, государь начал подумывать о замене.

Маков без интереса выслушал доклад Благово об обнаружении большой организации конокрадов, о совершенном ими убийстве и о необходимости проведения в столице полицейской операции. Павел Афанасьевич закончил рапорт просьбой оказать содействие при переговорах с Военным министерством. До приезда Рубочкина оставалось всего два дня.

– А что, убийца извозчика перебрался в Петербург? – ошарашил сыщика сановник неожиданным вопросом.

– Нет, он скрывается в селе Чуварлей на юго-востоке нашей губернии. Мы готовим штурм этого места и арест преступника, как только выясним все связи упомятой мною организации.

– Какие еще связи, господин Благово? Езжайте-ка в свой Чуварлей, или как там его, и арестуйте убийцу. Я встречался вчера с вашим губернатором графом Кутайсовым и показывал ему вашу телеграмму. Павел Ипполитович прямо

сказал, что не видит никакой необходимости в этих маскарадах, тем более с привлечением зачем-то еще и Военного министерства.

– Расследование веду я, а не губернатор. У его превосходительства нет возможности вникать во все детали. Вице-губернатор Всеволожский всецело поддерживает мой план.

Маков начал выказывать признаки раздражения.

– Ну, у этого миллионщика всегда только ветер в голове. Граф же Кутайсов опирался на мнение коллежского советника Лукашевича. Это ведь, кажется, ваш непосредственный начальник? У него, вы полагаете, тоже «нет возможности вникать в детали»?

– У него, простите, нет желания это делать. Разрешите просить приема у министра! Расследуемое преступление относится к разряду особо важных. Под угрозой интересы государства.

Маков нахмурился и встал.

– Да вы просто либрпансер какой-то![13 - Либрпансер – вольнодумец.] Не забываетесь, господин коллежский ассессор! Видимо, мне самому придется напомнить вам о субординации. Езжайте немедленно домой и арестуйте убийцу извозчика. А фантазии с ряжеными оставьте писакам! И никаких походов в Военное министерство – не смешите народ. Вы свободны!

Благово вышел от начальства раздосадованный. И такие люди руководят самым важным в стране ведомством! Империю ждут ужасные испытания: грядет война с турками, усиливается революционное брожение. Что-то с нами будет при таких-то администраторах? Но коллежскому ассессору было уже не двадцать лет, служба его никогда не была легкой, и он полагал это в порядке вещей. Остыв и немного поразмыслив, он решил действовать самостоятельно.

Первым делом сыщик отправился в Департамент полиции, на Фонтанку, 57, и послал оттуда телеграмму Всеволожскому: «Оказался не понят Маковым встрече сотрудниками Военного министерства отказано иду Милютину через голову начальства Благово».

Затем, надев парадный мундир, шляпу с плюмажем, нацепив шпагу и все ордена, Павел Афанасьевич отправился на Адмиралтейский проспект, 12. В приемной военного министра былолюдно, но как-то по-особенному четко и деловито. Посетители заходили в кабинет строго по часам, очередь уменьшалась на глазах без суеты и задержек.

Адъютант Милютина, заметив чиновника из министерства внутренних дел, поинтересовался, по какому он делу. Благово представился и попросил встречи с помощником министра. Вскоре он сидел в кабинете полковника Кунцевича и излагал ему суть своего дела.

У Павла Афанасьевича Благово была одна особенность. Когда он впервые начинал разговор с незнакомым, но умным человеком, очень скоро тот проникался к собеседнику уважением и внимательно вслушивался в его слова. Кунцевич слушал коллежского асессора не более пяти минут. Поняв, что есть преступники, которые составляют опасность конно-мобилизационным планам в поволжских губерниях, он прервал беседу и отправился с докладом к Милютину. Очень скоро воротился и сказал, что министр просит извинить, но сможет принять его не раньше, чем через сорок минут.

Ровно в указанное время Благово входил в кабинет генерал-адъютанта, генерала от инфантерии Дмитрия Алексеевича Милютина. Шестидесятилетний, но весьма энергичный, очень умный и не по-военному обходительный человек, министр был внимателен и излучал доброжелательность. Благово подробно рассказал о деле, о размахе хищений, о своем плане уничтожить всю организацию и о том, как отнесся к его идее Маков. Выслушав сыщика и уточнив детали, Милютин сказал:

– Да, господин Благово. Бороться разом и с преступниками, и с недальновидностью собственного начальства трудно. Я всегда подозревал, что у Льва Саввича ум не на первом месте, но так... Как был уланским ротмистром, так и остался; а ведь скоро сделается министром! Со своей стороны обещаю вам всемерную поддержку. Запрет на сотрудничество с нами может отменить только Тимашев, но за это я вам ручаюсь. Завтра утром у меня высочайший доклад. Полагаю, что после этого министерство внутренних дел одобрит ваш план, что называется, всеми фибрами души. Поручаю вас полковнику Кунцевичу – как мой помощник, он обладает всеми необходимыми полномочиями. И еще, господин Благово. Если вам прискучит преодолевать субординационные препятствия в вашем ведомстве, не угодно ли перейти ко мне? У нас совершенно не развита

противоразведочная служба. Два офицера в Азиатском департаменте Главного штаба и еще несколько в Военно-Ученом комитете – и все. А враги России не сидят без дела: австрийцы шпионят на Украине, англичане возбуждают против нас Туркестан, на Кавказе мутят воду османы... Очень нужен человек, умеющий выслеживать, ловить, да еще и думать при этом. Именно такой, как вы. Что скажете? Обещаю: через два года получите чин полковника.

– Ваше высокопревосходительство... Благодарю за лестную оценку. Но настоящая служба везде трудна, если нести ее на совесть.

– Это верно.

– Потому – бог с ними со всеми... Я ведь не им служу, а... Вынужден отказаться. У меня еще не закончено много дел в Нижнем.

– Жаль! Тогда пожелаю вам успехов. Но повторю: помните, вы всегда можете рассчитывать на мою поддержку.

Вечером на следующий день в кабинете директора Департамента полиции Косаговского состоялось совещание. Помимо хозяина кабинета, присутствовали Путилин со своими тремя агентами, Кунцевич и Благово с приехавшим Титусом. Все были опытны в своем деле и понимали друг друга с полуслова. Павел Павлович Косаговский уже десятый год руководил департаментом, объяснять ему необходимость тщательного расследования вместо торопливого ареста одного убийцы было излишне.

Договорились, что Вошинин будет изображать полковника Адальера из Главного интендантского управления, а Шереметьевский – майора Петрово-Соловова из управления нерегулярных войск. Это были известные среди конезаводчиков офицеры, много лет занимавшиеся поставками конского состава в армию. Решено было даже загримировать сыщиков на тот случай, если Рубочкину сообщены приметы интендантов. Еще несколько агентов предназначались для исполнения второстепенных ролей – швейцаров, вестовых и т. п. Кунцевич обязался к утру доставить из обмундировальной мастерской всю необходимую амуницию, в том числе и гусарский мундир для Благово. Во избежание недоразумений решили, что Павел Афанасьевич будет говорить, что он прикомандирован к Сумскому полку. В окружное управление Варшавского

военного округа была послана телеграмма: на любые попытки навести справку о князе Порюс-Визапурском отвечать сообразно легенде. В Военно-Ученом комитете для Благово сфабриковали форменный служебный билет[14 - Служебный билет – удостоверение личности офицера российской армии.] и командировочное предписание.

Кунцевич взял на себя также подготовку обоих ведомств своего министерства, куда завтра поведут Рубочкина: интендантского и казачьего. Нужно было выставить там нижегородского сыщика влиятельным завсегдаем.

Дружный ход совещания был прерван появлением курьера от министра внутренних дел: Тимашев срочно требовал Благово к себе. Кунцевич ехидно улыбнулся.

– Получил Егорка, да с тыльной стороны. Наш старик слов на ветер не бросает!

– Не знаете вы наших порядков, полковник, – неодобрительно покачал головой умудренный жизнью Путилин. – Не стало бы Павлу Афанасьевичу хуже...

– Я с вами, – нахмурился Косаговский. – Операция необходима и может принести успех, будем отстаивать ее вместе.

Поднялись на третий этаж. Директор Департамента полиции остался ждать в приемной; Благово не без волнения вошел в огромный кабинет министра.

Тимашев, в парадном генерал-адъютантском мундире и александровской ленте (только что с высочайшего доклада), встретил его стоя. У окна Благово заметил Макова со злой гримасой на физиономии.

– Вы встречались вчера с военным министром? – не здороваясь, поинтересовался Тимашев.

– Да, ваше высокопревосходительство.

– Я же вам запретил! – взвизгнул от окна Маков. – Вы посмели нарушить мой приказ?!

Министр повернулся к директору своей Особой канцелярии.

– Его Императорское Величество расценили ваше препятствие следствию как серьезную служебную оплошность. Мне велено передать вам августейшее неудовольствие. Без занесения в формуляр...

Тайный советник побагровел и прикусил ус.

– Я отменяю ваш запрет. Министерство внутренних дел берет дело по обезвреживанию шайки конокрадов под свой контроль. Вам, господин коллежский асессор, будет оказана всемерная поддержка. Присядем. Расскажите-ка все в подробностях.

– Позвольте пригласить из приемной Павла Павловича Косаговского. Он совместно со мной готовит петербургскую часть операции.

– Так, значит, мое ведомство не самоустранилось! – обрадовался Тимашев. – Завтра же доложу государю об этом запиской. Нет, сегодня!

Директор Департамента полиции и нижегородский сыщик посвятили министра в подробности готовящегося маскарада. Далее Павел Афанасьевич уже в одиночку рассказал, что собирается посетить Чуварлей под именем Порюс-Визапурского. Познакомиться с князем Маминым, ударить с ним по рукам, а заодно изучить систему охраны, определить численность шайки, обдумать детали штурма. И потом появиться в разбойничьем гнезде уже во главе полицейского отряда.

Тимашев одобрил все предложения Благово и распорядился при необходимости лично адресоваться к министру. Затем помялся и спросил:

– Государь сказал, что два человека одновременно известили его об... э-э... не совсем верной позиции моего министерства. Один из них – генерал-адъютант Милютин. А кто же второй?

– Не знаю, ваше высокопревосходительство. Вероятно, это следствие усилий вице-губернатора Всеволожского.

– Как странно. Еще два месяца назад он был моим чиновником особых поручений и хорошо знает мои хватку и быстрый ум. Почему же Всеволожский не дал мне знать, а обратился через мою голову?

Павел Афанасьевич промолчал, хотя знал ответ на вопрос генерала.

– Таким образом, вы всего-навсего коллежский асессор из провинции, чужой в столице человек, всего за сутки сумели дважды найти способ обратиться к государю. Не так ли?

– Исключительно для пользы дела, ваше высокопревосходительство.

– Конечно, конечно, все мы служим только ради этого. Благово... Я запомню вашу фамилию.

– Я тоже, – подал голос из угла Маков, и в голосе его прозвучала угроза.

До конца дня Павел Афанасьевич с путилинскими агентами и полковником Кунцевичем успели подготовить все необходимое для завтрашнего спектакля. Главное интендантское управление находилось в здании министерства, но имело отдельный вход с Вознесенского проспекта. Уже в десять часов пополудни сыщик зашел к Милютину. Известный труженик, тот все еще работал. Благово поблагодарил генерала за поддержку, рассказал, как идет подготовка к операции. Министр выслушал, протянул руку и бросил коротко:

– С Богом!

И снова уткнулся в бумаги.

Утром 17 мая Благово неспешно прогуливался по Адмиралтейскому скверу. Он был одет в яркий мундир 1-го Сумского гусарского полка: краповые шапка и чакчиры и синяя венгерка с гарусными шнурами. На шнурах – подполковничьи гамбы, на сабле аннинский темляк, вид по-гусарски лихой.

Павлу Афанасьевичу уже приходилось носить мундир в молодые годы. И хотя то был скромный сюртук лейтенанта флота, походка и привычки русского офицера

у него сохранились. Более того, сыщик умело изображал «николаевскую» школу в выправке – выпускники Николаевского кавалерийского училища ходили все одинаковым манером. Благово тонко дзенькал шпорами, лениво козырял младшим по званию, игнорировал равных[15 - В 1870-х годах в русской армии существовал неофициальный обычай, согласно которому равные в чинах офицеры отдают друг другу честь, только будучи лично знакомы.], ловко избежал какого-то престарелого артиллерийского генерала. Тут и появились те, кого он ожидал.

– Разрешите представить, ваше сиятельство, – почтительно отрапортовал Титус. – Савва Провыч Рубочкин, нижегородский извозопромышленник. А также доверенное лицо князя Мамина.

– Князь Порюс-Визапурский, – Благово благосклонно махнул извозопромышленнику рукой в замшевой перчатке.

Втроем они вышли на набережную Невы и около получаса беседовали на тему ремонта. Рубочкин был насторожен и недоверчив, внимательно наблюдал повадки «князя», часто оглядывался вокруг. Из разговора скоро выяснилось, что он человек умный и по-звериному хитрый; сыщик внимательно подбирал каждое слово. Наконец решено было зайти в интендантское управление – выяснить планы закупок на текущий год, узнать цены и заручиться предварительной поддержкой друзей князя.

Едва Порюс зашел в шинельную, навстречу ему подобострастно бросился швейцар – бессрочноотпускной седовласый фельдфебель, весь в медалях.

– С приездом, ваше сиятельство! Давненько вас не было; мы уж соскучимшись. Дозвольте сабельку принять.

– Здорово, Тимофей, – благосклонно улыбнулся князь. – Все пыхтишь, старый гриб?

И сунул швейцару рубль.

– Премного благодарны, ваше сиятельство Антон Львович, завсегда-то вы нас балуете.

Двинулись дальше по коридору, и, пока шли, с гусаром приветливо поздоровались еще несколько человек – писари, офицеры и даже один моложавый генерал. Чувствовалось, что князь здесь свой, что ему рады и хорошо его знают. Без доклада зашли в большой кабинет с табличкой: «Начальник Отдела комплектации живым инвентарем полковник М.М. Аладьер». Толстенький, живой, как ртуть, хозяин кабинета радостно расцеловался с Порюсом, после чего тот представил ему своих спутников:

– Мишель! Мы по делу. Серьезному. Господина Титуса я хорошо знаю, а он рекомендует господина Рубочкина как делового и надежного человека.

Полковник без лишних слов прикрыл поплотнее дверь, внимательно взглянул на статских.

– Роспись до министерства дошла?

– Позавчера.

– Значит, у тебя теперь денег как грязи?

– Есть маленько. А что вы имеете предложить?

– Пять тысяч голов лошадей равными частями в течение года.

– Всего-то? В русской армии почти семьсот тысяч конского состава. Лошадь служит по восемь лет; каждый год ремонту подлежит примерно восемьдесят тысяч единиц, и столько же выранжируется из строя.[16 - Выранжирование – выбраковка отслуживших свой срок лошадей (ремонтерский термин).]

– Вот и славно; что такое наши пять тысяч?

– Но есть и другие цифры. Например, господа, знаете ли вы, сколько частных конных заводов в одной только в Европейской части России?

– ?

– 1820. А еще в Средней Азии 40. На Дону 83. В Польше более 20. Выбор огромен. Для чего же мне приобретать именно ваших лошадей?

– Для того, Мишель, – ласково взял Аладьера за пуговицу князь, – что мы вернем тебе десять процентов от полученных сумм. А другие возвращают только восемь. Под мое честное слово.

Полковник скупо улыбнулся и сменил тон.

– Каких сортов у вас товар?

Порюс-Визапурский вопросительно взглянул на Рубочкина, тот придвинулся.

– Строевых-то немного, всего около пятисот. По большей части донцы и орловцы, но есть и аргмаки, англоарабы, кабардинцы и варварийцы. Далее, примерно сказать, тыщи полторы вьючных да три тысячи упряжных.

Аладьер откинулся на спинку стула, задумался. Рубочкин тем временем приглядывался к обстановке в кабинете интенданта. Большие фолианты по гиппологии[17 - Гиппология – наука о лошадях (устаревш.)], комплекты «Вестника конезаводства» за ближайшие годы на полках шкапов, море бумаг на рабочем столе, полная окурков пепельница.

Бесшумно раскрылась дверь, молодой корнет притащил еще целый ворох новых входящих отношений. Напомнил, что через час совещание у «самого», и удалился.

– Я уже обещался Яновскому и Стрелецкому заводам, что покупаю у них.

– Эка отговорился! Они тебе, что, всю потребность покроют? – усмехнулся князь.

– Кто же ваш поставщик?

– Конезавод князя Мамина в селении Чуварлей Нижегородской губернии Лукояновского уезда Теплостанской волости.

– Никогда о таком не слышал.

– Ну, так теперь довелось.

Аладьер еще раз внимательно осмотрел статских, с особой внимательностью задержавшись на Рубочкине. Тот сказал:

– Все исполним как надо, господин полковник.

– Вы пока погодите, любезный, – холодно осадил его интендант. – Я вас вижу впервые, и ваши слова ничего для меня покуда не значат. А вот слово князя Порюс-Визапурского весит много. Потому как, ежели вы меня обманете, за вас придется заплатить ему. И он обязательно заплатит – князю в этот кабинет еще ходить и ходить. Учитывая, что Антон Львович дал за вас ручательство – будем считать, мы договорились.

Рубочкин и Титус едва заметно выдохнули, а князь даже не улыбнулся, он был спокоен и деловит.

– Расскажи господам подробности. Я встречаюсь с Маминым очень скоро – он захочет подробностей.

Аладьер вздохнул и полез в несгораемый шкаф. Вынул толстую папку с надписью «Весьма секретно», извлек из нее несколько листов с литографированным текстом.

– Мы, интенданты, упряжных лошадей называем подъемными, так записано в уставе. Подъемные лошади разделяются на собственно упряжных и на крупнорабочих, иначе именуемых тяжеловозами. Одно дело катать огнеприпасы или лазарет, и совсем другое – девятифунтовую батарейную пушку весом в сто тридцать пудов. Как представлены ваши лошади, господин Рубочкин?

– В подобном смысле – примерно поровну. По полторы тысячи тех и тех, туда-сюда сотню.

– Упряжные каких отродьев?

– В основном это вятки, господин полковник, включая казанок и обвинок. По двести – двести пятьдесят финок и эстонок.

– А тяжеловозы?

– Больше половины, конечно, битюги, но много арденов и першеронов, остальные суффолы и клейдесдалы.

– Битюг нынче совсем измельчал... У вас как? Шесть вершков дадите?[18 - Имеется в виду 2 аршина 6 вершков, или 168,7 см (стандартный рост единственного русского тяжеловоза – битюга).]

– Скорее пять, ежели по-честному-то. Правда, ваше высокоблагородие, – измельчал битюг...

– Хгм... А вьючные?

– Калмыцкие и башкирские, примерно поровну. Сухие, свежие.

– Понятно. Легче всего с подъемными – их я могу купить у вас прямо сейчас, причем всех скопом. Получено негласное распоряжение: перевести пешую артиллерию на штаты военного времени. Слышал об этом, Антуан?

– Слышал, Мишель; очень хорошая новость. Дело в том, Савва Прович, что потихоньку идут приготовления к войне с турками. Начали с пешей артиллерии. Там при батарее восемь орудий, а конского состава – всего на четыре. В мирное время... Теперь же число лошадей надо очень быстро удвоить, а тут как раз вы со своими тяжеловозами. Сколько, Мишель, у нас стволов в пешей артиллерии?

Аладьер зашелестел бумагами.

– Минуту... Вот! Ежели отбросить гвардию и казаков, остается 1188 орудий, из которых половина – то есть 594 штуки – пока без тяги. По шести лошадей на орудие... (полковник защелкал костяшками счетов) потребуется 3564 крупнотяжелые лошади. Вот ваши полторы тысячи и возьмем. По полторы сотни голова, получается 225 000 рублей. Теперь прочие упряжные. В русской армии их сейчас приблизительно 160 000, при замещении одной восьмой части потребуется в этом году около 20 000 единиц. Забираем сюда другие ваши полторы тысячи. Эти идут по 120 рублей, выходит 180 000. Остаются вьючные. Сколько их, бишь, у вас?

- Так тоже полторы тысячи... примерно...

- Тут сложнее. Этого сорта лошади положены только кавалерийским офицерам да еще казачьим обозам 1-го разряда. В гвардию и к казакам не прорваться, остается армейская кавалерия. Так... посмотрим. 46 полков плюс запасные бригады... всего числится господ офицеров 2809 человек. Делим опять на восемь... годовая потребность 351 лошадь. Даже ежели мы всю ее заместим только вашими - что невозможно! - куда прикажете брать остальных?

Рубочкин смешался, но тут на его стороне выступил князь Порюс-Визапурский:

- Не будь педантом, Мишель. Вспомни уроки географии в училище. Болгария - горная страна, часть общеармейских обозов вынужденно перейдет на выюки. А наши славные казаки? Неужето к ним совсем не пролезть?

- Тебе придется, Антуан, самому договариваться с Жоржем. У них в управлении свои любимцы, нас они слушать не станут.

- Жорж - это майор Петрово-Соловово из Главного управления нерегулярных войск, - пояснил князь своим спутникам. - Без него нельзя. А он нам выставит своего фактора со звучной фамилией Перельмутер - то его кошелек. Виза Жоржа стоит еще полтора процента, но с ним мы договоримся.

- Тут могут быть трудности, - покачал головой полковник Аладьер. - Я слышал, его уже подмазали англичане, чтобы продвинуть своих гунтеров.

- Мишель, надобно быть патриотом! Поддержать нашего русского промышленника перед коварным Альбионом. За десять процентов...

- Вот еще вопрос, господин полковник, - помялся немного Рубочкин. - Не все наши лошадки - четырехлетки. Нельзя ли как-нибудь уладить это обстоятельство?

- Годом больше или меньше могут проскочить, особенно когда начнется война, но тут нельзя чересчур забываться. «Чашечки»[19 - Возраст лошади определяется по углублениям на резцах, т. н. «чашечкам». В нижней челюсти «чашечки» стираются к 3 годам, в верхней - к 6.] все покажут. Если будет много

выбраковок, ремонтные депо отсигналят и мне влетит. Но скоро совещание, господа, что у нас еще осталось?

– А остались строевые-с, господин Аладьер. Их хоть и меньше всех, но они отборные, хотелось бы сдать их подороже.

– Понимаю. Самые дорогие приобретает гвардейская тяжелая кавалерия. Рост, желательно, не ниже пяти вершков, а лучше все шесть. И очень жесткие требования по масти. У «синих» кирасир, к примеру, все кони рыжие, у «желтых» – караковые, а у кавалергардов светло-гнедые. Стоят такие лошади не менее трехсот пятидесяти рублей. Далее идет легкая гвардейская кавалерия: рост не ниже четырех вершков, и тоже следят за мастью. Лейб-уланы – гнедые, конногвардейцы вороные, и так далее. Цена таких лошадей не ниже двух сотен. И, наконец, армейская кавалерия: допускаются двухвершковые лошади, масти «по возможности», цена сто пятьдесят целковых для офицеров и сто двадцать пять – для нижних чинов. Тут поставка штучная, и многое зависит не от нас, интендантов, а от самих полковых ремонтеров. Князь знает многих из них лично, так что последний ваш вопрос не ко мне, а к его сиятельству. Засим, господа, не могу долее продолжать беседу – совещание у начальника управления. Ступайте сейчас к казакам. Если договоритесь – а князь, Савва Прович, с кем угодно договорится! – приходите завтра к половине одиннадцатого с документами.

И триоца, покинув интендантов, пошла в Главное управление нерегулярных войск. Неожиданно в одном из коридоров они налетели на поджарого седоусого генерал-майора с моноклем в глазу. Генерал удивленно воззрился на Благово, тот козырнул и хотел пройти мимо, но не получилось.

– Кто вы такой, господин подполковник? Я начальник 1-й бригады 1-й дивизии и знаю в лицо всех офицеров Сумского полка. А вас вижу впервые!

– Позвольте представиться: подполковник князь Порюс-Визапурский, служу по интендантской части в военно-окружном управлении Варшавского округа. Прикомандирован к Сумскому генерал-адъютанта графа фон ден Пален полку с 1871 года, почему и ношу сей благородный мундир.

– Ох уж эти мне прикомандированные, – пробурчал генерал. – Только засоряете строевые полки. Свободны!

Рубочкин слушал этот диалог с напряженным вниманием. Заметно было его изменившееся настроение: он снова сделался подозрителен.

– Вот так каждый раз, – вздохнул князь. – Плохо быть прикомандированным! У тебя получается два начальника, из которых каждый считает, что не он должен представлять тебя к награде. Я лишний год в майорах пересидел, прежде чем Варшава с Москвой списались!

Беседа с Петрово-Соловово (агент Шереметьевский) была короткой: договорились поужинать вечером в «Медведе» и расстались. Закончив с визитами, решили пообедать в «Золотом якорю», куда и отправились. Благово заметил, что за ними неотступно следует коляска с поднятым верхом. Когда, плотно закусив и выпив водки, они вышли на подъезд, Рубочкин тронул Титуса за рукав и кивнул в сторону коляски. С облучка экипажа сыщику помахал знакомый возница – Гаврила с рваным ухом.

– Вы, Иван Францевич, сядьте, пожалуйста, вон туда.

– Это зачем же?

– А погостите пока у князя Мамина. Гаврила вас прямо до Чуварлея довезет. Таковы указания Сергея Сергеевича. Отдохнете там, развеетесь, а мы с их сиятельством закончим дела и тотчас прибудем. Тогда князья наши и ударят по рукам.

Когда до Благово дошел смысл сказанного, в глазах у него потемнело. Титуса забирали в заложники! Видно, недоумевающий генерал не выходил у Рубочкина из головы, и он решил перестраховаться.

– Вы что же, господин извозопромышленник, моего человека в аманаты[20 - Аманат – заложник (кавказск.)] захватываете? – рявкнул он. – Так не годится между доверенными партнерами! Эдак мы ни о чем не договоримся. Никуда он не поедет!

Но Титус перебил своего шефа:

– А я считаю, Савва Прович дело говорит. Компанионы пока еще мало знают друг друга, осторожность лишней не бывает. Я поеду. И буду вас там дожидаться, ваше сиятельство, с хорошими новостями.

Так Благово остался без Титуса. Тот сам для пользы дела сунул голову в петлю, и Павлу Афанасьевичу оставалось только не подвести своего подчиненного. И в первую очередь необходимо было обезопаситься от генерала с моноклем. Сыщик, простившись до вечера с Рубочкиным, помчался в Военное министерство.

Кунцевич внимательно выслушал известие, которое принес Благово, и закручинился.

– Говорите, он назвался командиром 1-й бригады? Сухощавый, с моноклем... Да, это генерал Кострубо-Карицкий. Главный по армейской кавалерии фрондер и краснобай. И живет, и служит по принципу – как говорит мой денщик Семен, – «хоть наничку[21 - Наничку – наизнанку.], да на отличку». Ну ничего... Сегодня вечером он должен быть в Главном штабе; там я его перехвачу и предостерегу именем Дмитрия Алексеевича от излишнего любопытства. Не волнуйтесь, занимайтесь своим делом, все будет в порядке.

Удовлетворенный, Благово дождался условленного часа и отправился в «Медведь». Петрово-Соловово (агент Шереметьевский) действительно привел с собой фактора Ицку Перельмутера (агента Рабиновича). Кавалерист не опозорил своего рода войск и напился быстро и в стельку, успев, однако, сказать, что «он не против отечественного коня». Зато фактор впился в Рубочкина, как клещ, торгуясь до истерики за каждую копейку. Извозопромышленник не уступал еврею ни в цепкости, ни в алчности; стороны расстались в полном взаимном уважении. Договорились в итоге, что с каждой вьючной лошади, поставленной в казачьи полки, майор Соловово получит девять с полтиной – за то лишь, что нарисует визу на заявке Аладьера!

Уже в первом часу Савва Прович развозил пьяную компанию по ночлегам, он же оплатил ресторанный счет (выпили и закусили почти на полсотни). Благово условился встретиться с ним завтра на Адмиралтейской площади в половине одиннадцатого.

Как интендант и гусар, князь остановился в «Астории» на Морской улице. Когда он, густо дыша водкой, вошел в вестибюль, конторщик почтительно вручил ему

записку. В ней было всего три слова: «Все хорошо. Кунцевич». С этим Павел Афанасьевич и заснул.

На следующее утро Рубочкин с князем входили в уже знакомый им подъезд интендантского управления. И снова навстречу выкатился вчерашний генерал с моноклем! Гусар молодцевато козырнул, но Кострубо-Карицкий язвительно произнес:

– Здравствуйте, господин шпион. Не стыдно носить чужой мундир?

Он не успел еще договорить свою фразу, как Рубочкин сорвался с места и бросился бежать прямо вдоль по Вознесенскому проспекту. Благово опешил на секунду, дернулся было за ним, но развернулся к генералу.

– Идиот! Я бы тебя...

Погрозил кулаком – и побежал за преступником. Но как только он почти догнал его, Рубочкин на бегу обернулся и выстрелил в него из револьвера; пуля просвистела возле щеки. Сыщик увеличил расстояние до более безопасного, но не отставал, а преследовал неотступно. Утро, центр города – никуда не денется. Сейчас на пальбу сбегутся городские и повяжут молодца. Не убил бы он только кого за это время...

Словно услышав его мысли, извозпромышленник юркнул в ворота большого доходного дома, и тут же наперерез ему бросился дворник. Увидев, что офицер преследует статскую личность, он, естественно, принял сторону офицера. И поплатился за это жизнью: Рубочкин выстрелом в упор выбил ему глаз и не останавливаясь промчался мимо. В следующем дворе, слышав пальбу, в погоню вмешался какой-то мастеровой. Негодяй на ходу свалил и его... Благово понял, что, если не задержать преступника немедленно, он уложит еще столько обывателей, сколько у него в барабане осталось зарядов. Поднажав, он сблизился с Рубочкиным и, выхватив из ножен саблю – единственное свое оружие, – занес ее над головой. Оглушу ударом плашмя, думал он. Но злодей резко развернулся и вскинул руку с револьвером. Торопясь ударить его по руке, Павел Афанасьевич опустил клинок, и в ту же секунду раздался выстрел. Пуля сорвала с плеча сыщика погонный шнур, пороховые газы обожгли лицо. Лезвие сабли ударило в курок «Смит-Вессона», соскочило и по инерции пролетело вниз. Самый кончик клинка чиркнул преступника по горлу и рассек его так, что кровь

фонтаном брызнула во все стороны.

Рубочкин, схватившись обеими руками за разрубленную гортань, повалился на бок и принялся лихорадочно сучить ногами. Он хрипел, пускал кровавые пузыри; бордовое пятно быстро расползлось под ним по мостовой. «Убил! – ошарашенно подумал Благово. – Как же я теперь в Чуварлей приеду? А Титус?» Он задрал венгерку, отхватил от рубахи большой лоскут и принялся неумело перевязывать раненого. Тут с черного хода выбежал на двор еще один мастеровой, расхристанный, без фуражки, но с гармоникой в руках. Невзирая на ранний час, он был уже в стельку пьян.

– Ты это чиво? – наклонился он над раненым обывателем. Потом заметил кровь, осмотрелся, увидел сцену с перевязыванием и сразу озверел.

– Падлы! Мишку убили?! Ща я до вас доберуся...

Отбросив инструмент, он кинулся на Благово с кулаками. Сыщик увернулся, отбежал в сторону и задул в полицейский свисток. Однако вместо городского на шум прибежало еще четверо столь же пьяных артельщиков.

– Полиция! – крикнул им коллежский ассессор. – Бегите скорей за доктором – здесь раненые!

– Да уж, дохтур тебе спонадобится, – буднично сказал самый рослый из вновь прибывших и стал неспешно засучивать рукава.

Тут Павел Афанасьевич понял, что крепко влип. Рубочкин истекает кровью, подмоги не видать, а эти дураки сейчас примутся за него всерьез. Он нагнулся, подобрал саблю и грозно пообещал обступившим его личностям:

– Зарублю.

Сказано это было негромко и без аффектации, и потому прозвучало убедительно. Мастеровые отступили на шаг, заспорили:

– Ну его! Вишь – офицер, нас же потом и засудят. Пушай полиция разбирается!

– Чево «офицер»! Мишку убил, дворник без глаза валяется, и вон тот еще хрипит! Обходи его с боков и бросайся все сразу!

Благово, не опуская сабли, продолжал наяривать в свисток, но в колодце двора звуки гасли. Двое пьяниц отстали, но трое других сговорились и начали окружать сыщика. Он прижался спиной к стене. Болело обожженное лицо, ныла контуженная ключица, а более всего удручал идиотизм происходящего... Выпад налево – точнее, имитация выпада (Благово очень опасался поранить кого-нибудь из этих пьяниц); мазурик отскочил. Правый было метнулся в атаку, но клинок уже глядел на него.

– Васька, брось, ведь взаправду зарубит.

Троица принялась опять вполголоса совещаться.

– Я полицейский офицер, – воспользовался передышкой Павел Афанасьевич. – И дворника, и вашего товарища стрельнул вон тот, который хрипит. Я гнал его и достал саблей. Но он нужен мне живой! Ему и вашему Мишке – обоим срочно требуется доктор. А вы только время транжирите, рвань питерская! Ну-ка, быстро: один за доктором, другой за городовым!

Артельщики слушали его с видимым напряжением, но мало что понимали. И тут наконец раздался топот, и во двор вбежал солдат с винтовкой – подчасок от Военного министерства. Увидев происходящее, он немедленно закрыл собой офицера, взял винтовку «на руку» и навел ее на мазуриков.

– Значитца, тот убил. Не энтот, – задумчиво сказал обладатель гармошки, после чего не спеша вынул из сапога нож и пошел к Рубочкину. Тот, замотав шею обрывком рубахи, держался из последних сил. Увидев приближающегося к нему диопсода[22 - Диопсод – алкоголик (устаревш.).] со зверской физиономией, Рубочкин только зажмурился.

– Назад! – рявкнул Благово так, что у самого в ушах зазвенело, и ударил гармониста саблей плашмя по затылку. Одновременно с этим солдат выстрелил на воздух. Тесный двор заволокло дымом, замелькали какие-то тени. Когда дым рассеялся, способные передвигаться убежали; остались лишь сыщик с подчаском, убитый дворник и трое раненых. Вскоре примчались долгожданные городовые, появилась карета с доктором, собралась толпа зевак. Коллежский

асессор показал старшему свой билет с фотопортретом и отправился с ним к градоначальнику – давать объяснения по поводу происшедшего. От Трепова сыщик вернулся в Военное министерство и рассказал Кунцевичу, что пришло. Скрипнув зубами, тот пошел докладывать Милютину.

Через час в кабинете последнего стоял навтыжку генерал-майор Кострубо-Карицкий. Лицо его было покрыто красными пятнами, холеные усы подрагивали. Благово, переодетый в партикулярное платье, сидел в кресле; разгневанный Милютин мерил шагами кабинет.

– Полковник Кунцевич передал вам от моего имени не соваться в историю с сумским гусаром князем Порюсом?

– Точно так, ваше высокопревосходительство!

– Почему же вы не выполнили точно обозначенного моего распоряжения?

– Виноват, ваше высокопревосходительство! Понятие о чести офицера... побудили меня, так сказать... высказать свое отношение. Я человек чести!

– Вы отказываете в понимании чести коллежскому асессору Благово? Который ведет свой род, если не ошибаюсь, с четырнадцатого века...

– Этот господин обозвал меня идиотом!

– Он как нельзя более прав, генерал. Честь офицера... Вы знаете, что наделали вашим длинным языком? Поставлена под угрозу операция по защите наших конно-мобилизационных планов. Господин Благово чудом не погиб – он контужен произведенным в упор выстрелом. Имеются жертвы среди обывателей. И все это потому, что вам захотелось посудачить на тему офицерской чести?

Кострубо-Карицкий молчал. Министр повернулся к Благово:

– Имеете что сказать, Павел Афанасьевич?

– Да, Дмитрий Алексеевич.

Сыщик устало поднялся, потер не заживающее плечо, подошел к генералу. Поглядел ему в глаза, как огнем прожег.

– Глупость и дешевый апломб, проявленный вами, в обычное время являлись бы вашим частным делом. Жаль только ваших подчиненных... Но сейчас не то. Из-за вашей фанаберии, генерал, погиб человек. Так, обычный дворник. Но ведь тоже Божья душа. Честно исполнял свой долг и был застрелен преступником наповал. Остались двое детей – теперь они сироты. Из-за вас. Другой случайный прохожий сделался навсегда калекой. Тоже из-за вас. И еще мой подчиненный, губернский секретарь Титус. Он теперь в заложниках у преступников, которых я ловлю. Его жизнь под угрозой. И я не знаю, как его спасти... И это тоже из-за вас. Будьте вы прокляты! Если с Титусом что-нибудь случится, я сделаю все, чтобы вас отдали под суд.

– Я тоже, – добавил Милютин. – За невыполнение указания министра, что повлекло за собой тяжкие последствия. Пока же я отстраняю вас от командования бригадой и перевожу в распоряжение начальника Главного штаба. Без должности. Молите Бога, чтобы господин Благово успешно завершил операцию. Идите!

Когда Кострубо удалился, министр спросил у Павла Афанасьевича:

– Вы не забыли взять перевязочное свидетельство?

– Помилуйте, Дмитрий Алексеевич – зачем? Пустяковый ушиб.

– А вы возьмите. Передадите его пока мне, я потом верну. Возьмите, возьмите – поверьте старому бюрократу.

Вечером, когда Благово сидел у Косаговского, за ним неожиданно прислали из Михайловской больницы барона Виллие. Туда был помещен под охраной раненый Рубочкин, и теперь он просил «человека, называющего себя князем Порюсом», приехать. Говорить извозпромышленник не мог и потому прислал записку.

Павел Афанасьевич немедленно поехал в больницу. Обмотанный бинтами, Рубочкин выглядел измученным, писал с трудом, но настойчиво хотел объясниться.

«Вы спасли мне жизнь, а ведь я в вас стрелял. Спасибо».

Благово молча кивнул.

«Довольно вохры (зачеркнул, написал: «крови»). Надо спасти Титуса».

– Как?

«Пошлите князю Мамину телеграмму от моего имени. Я-де уехал в Варшаву, а вас отсылаю пока в Чуварлей. Вернусь будто бы вскорости. За это время сделайте облаву. В телеграмме обязательно должно быть слово «благородно». Иначе вас обоих зарежут».

Павел Афанасьевич наклонился, пристально заглянул уголовному в глаза.

– А может, нас зарежут именно потому, что в телеграмме будет слово «благородно»?

Извозопромышленник не отвел взора, а перекрестился и дописал:

«Спасайте Титуса. На суде я дам признательные показания».

Благово вернулся в Департамент полиции в сильной задумчивости. Показал директору записки от Рубочкина и попросил совета – вставить слово-пароль в телеграмму или нет.

– Я полагаю, что это ловушка, – сказал, подумав, Косаговский. – Ему и так уже светит двадцать лет каторги – за убийство и тяжелое увечье, за конокрадство скопом по предварительному сговору и за сопротивление при аресте. Если вас с Титусом в Чуварлее зарежут, наказание Рубочкину повысят до бессрочной каторги. Но вы же знаете, что всем бессрочнокаторжным по прибытии на рудники переписывают приговор на двадцатилетний. Следовательно, отомстив вам, этот бандит останется безнаказанным. Вы верите в благородные мотивы

подобных людей?

- Не верю, Павел Павлович, но деваться некуда. Если Рубочкин солгал - нас определенно убьют, если нет - у Титуса появляются шансы.

- А не ехать вы не можете?

Благово посмотрел на Косаговского, тот смутился:

- Извините, Павел Афанасьевич... Как собираетесь штурмовать этот притон?

- Чуварлей - большое село. Крестьянских дворов около трехсот, они стоят в четыре порядка. От старого Сибирского тракта до села примерно две версты. Дальше - усадьба, в ней около десяти строений. И, наконец, конезавод с казармами для рабочих. Собственно село нас не интересует. Нужно будет блокировать усадьбу и отсечь ее от казарм, где живут верные Мамину люди. Слабые сразу побегут; для их поимки поставим наружное оцепление. Дороги перекроем патрулями. Бой я ожидаю только в самой усадьбе - туда войдут двадцать человек самых решительных. Главное - не упустить князя!

- Удастся ли полицейскому отряду подобраться незамеченным? Наверняка там есть предупредительная служба.

- Имеется, причем на тридцать верст вокруг, а также в уездном городе. Но если применить солдатскую смекалку...

В Нижнем Новгороде почти сутки Благово, Каргер и Всеволожский разрабатывали план захвата главной станции. Решено было, что Павел Афанасьевич приедет в Чуварлей с денщиком, роль которого исполнит старший городской Тимофеев. Этот человек обладал огромной физической силой; однажды он в одиночку задержал четырех опасных дезертиров. В местном цейхгаузе с трудом нашли солдатский мундир подходящего размера. Также Благово прихватил с собой маленький, но мощный «трэнтон» двадцать пятого калибра[23 - 6,35 мм.], который спрятал во внутреннем кармане доломана.

Телеграмму от имени Рубочкина коллежский ассессор послал еще из Петербурга, в ней была фраза, что «интенданты ведут себя благородно». Второе донесение сфабриковали так, будто бы оно пришло из Варшавы. Из Нижнего Благово телеграфировал Мамину уже от имени подполковника Порюса, прося встретить его в Теплом Стане завтра в одиннадцать часов до полудни.

За час до приезда лжегусара в Чуварлей должен был войти под видом Курмышской конвойной команды полицейский отряд. Конвой несколько раз в году останавливался в селе на дневку, поэтому в его появлении не было ничего необычного. Для большего правдоподобия поручик и старший унтер-офицер команды были настоящими, хорошо знакомыми местным жителям.

Хуже обстояло дело с кавалерией, из которой надлежало составить оцепление и патрули на дорогах. Как известно, во внутренних губерниях она полностью отсутствует, дислоцируясь на западной границе и в областях казачьих войск. По счастью, Всеволожский только что закончил формирование конно-полицейской стражи. Ночью пятьдесят верховых должны секретно выйти из Нижнего Новгорода, к двум часам дня достигнуть деревни Сарбаево, там свернуть с тракта и окружить Чуварлей. К половине третьего заставы перекроют дороги на Скрыпино, Старую Назаровку и Малое Игнатово; в это же время пешая полиция из села пойдет на штурм усадьбы. Успех операции, а также жизни Благово, Тимофеева и Титуса зависели от слаженности действий всех сил.

С тяжелым сердцем въезжал Павел Афанасьевич на маминском экипаже в Чуварлей. Жив ли еще Яан? Вот сейчас и узнаем. Заодно выяснится, сколько жить тебе, господин коллежский ассессор...

Седобородый управляющий встретил гостей на крыльце усадьбы и сразу заселил их во флигель. Три опрятных комнаты с хорошей обстановкой, еще одна заперта на ключ... Окна выходят на пруд и на яблоневый сад, слегка запущенный. Молчаливый лакей разложил вещи и уселся у двери в ожидании приказаний. Управляющий предложил баню с дороги, но Благово уклонился и попросил обычного умывания. Его «индусская» смуглость могла после парной сойти на нет. Вдруг в сенях раздались торопливые шаги и в комнату ворвался – Титус! Живой и здоровый.

– Здравствуйте, ваше сиятельство! Как жизнь, Тимофеев? – затараторил он. – Я уж тут заждался, все занятия по десятку раз перепробовал. Васька! Бегом за пивом, да смотри, чтоб холодное было.

Лакей вышел. Благово хотел кинуться Яану на шею, но тот демонстративно прикусил язык и скосил глаза в сторону запертой комнаты.

– Договорились ли с Соловово, ваше сиятельство? Уж больно жаден...

– Ха! Выпил полведра водки и на все подписался. Савва Прович тоже мастак убеждать. Поехал с Перельмутером в Варшаву, в военно-окружное управление; через два дня вернется сюда. А я пока с князем здешним познакомлюсь да чуток отдохну. Два года в отпуску не был! Где он, кстати?

– Вот я вас сейчас к нему и проведу.

Как только они вышли из флигеля, Благово быстро произнес:

– Штурм ровно через полтора часа. Держись ближе к Тимофееву.

Первая беседа двух князей оказалась на удивление короткой. Мамин дружески пожал Порюсу руку:

– Наслышан, наслышан! Рад наконец познакомиться. Рубочкин прислал мне телеграмму из ста трех слов, описывая ваши переговоры. Сегодня уже из Варшавы телеграфировал: все хорошо, выезжает сюда. Чего это его в Варшаву потянуло?

– Это самая свежая и интересная новость. Хорошо начинаем сотрудничать, князь! Нашему округу поручено собрать отряд из двух тысяч лошадей для нужд Черняева[24 - Русско-турецкой войне 1877—1878 гг. предшествовала сербско-турецкая война 1876 г. В ней сербской армией командовал генерал М.Н. Черняев, фиктивно уволенный с русской службы.]. Триста рублей за штуку безо всяких торгов! Берутся только строевые и вьючные четырехлетки. Официально мы с Турцией не воюем, потому наша поставка – большая государственная тайна; деньги Военное министерство выделяет из секретного фонда. Каково, а?

– Весьма интересно.

– Сколько можете поставить в две недели?

– Двести – двести пятьдесят, но среди них есть гужевые и упряжные.

– Немножко упряжных допускается.

Беседу прервало появление сконфуженного управляющего.

– Князь Сергей Сергеич – беда! Повар, свинья, жаркое пережег! Прикажите хоть ухи по-быстрому для дорогих гостей сготовить...

Раздосадованный Мамин вышел в приемную и очень скоро вернулся обратно в кабинет.

– Вот шельма! Опозорил меня перед вами, а вы с дороги. Принужден просить вас обождать еще не более трех четвертей часа. Сейчас уже готовят сурских стерлядей. Вы ели когда-нибудь сурских стерлядей, князь? Они особенные, лучше волжских.

– Раз только в «Палкине» довелось. В Петербурге их почти не бывает, а уж в Варшаве тем более.

– Подождите покамест во флигеле, я приказал принести туда наливки и закуски. Самое позднее через час... Ох, подвел, подлец! Выгоню я его, ракалью, и поделом!

Титус с Благово вернулись обратно во флигель встревоженные. Похоже, у князя что-то случилось не по плану. Павел Афанасьевич жестами велел Яну и Тимофееву забаррикадировать выход из запертой комнаты диваном, причем по возможности бесшумно. Усевшись затем за стол, сыщики завели пустую беседу, то и дело поглядывая на стрелки брегета. До штурма оставался еще целый час.

Тем временем в кабинете Мамина происходил бурный разговор. Управляющий привел одного из рабочих с конезавода по прозвищу Васька Чугунная Шишка.

- Точно он? Не обознался? – спросил его князь.

- Как есть срисовал! Фамилие евойное – Благово, служит в Нижнем помощником начальника сыскного отделения. Всем тама заправляет, начальник у них спрыть ево пустое место. Умища необыкновенного: нашего брата наскрозь зрит. Самый разопасный во всей полиции человек. Я споначалу-то ево не признал – волос черный, в гусарском мундере; но как цыкнул он на свово денщика, так сразу и открылось мне...

- Так. Теперь понятно, в какую «Варшаву» Рубочкин уехал. А продал ведь, подлец! Слово «благородно» указал, мы и купились. Ступай за ребятами. Приведи Гаврилу, Сашку-Капрала и еще человек пять, кто поопытней; ножи с собой возьмите.

Чугунная Шишка ушел, а Мамин посмотрел на управляющего:

- Что мне делать, дядя Евсей?

- Бежать, Сережа. Я слышал про Благово – с ним шутки плохи. Это хвост от убийства Быткина; мы должны были догадаться.

- Их всего трое...

- Не глупи, Сереженька. Конвойная команда в село на постой пришла. Я поглядел – поручик знакомый, да и успокоился. Теперь уж ясно, что это за конвойцы. Беги! Шкатулки обе возьми, мы давно их собрали, и беги. Тысяч с триста в них есть. Ребятушки за сыщиков примутся, начнется заварушка. Пока разберутся, ты уж далеко будешь. Я запрягу тебе Абрека.

- Бежим вместе, дядя Евсей! Куда я без тебя?

- Обоим сразу нельзя. Ребятушки поймут и разбегутся наперед – тогда и тебе не уйти. Себя спасай – я уже старик! Покомандую сколь получится, глаза им отведу, а ты поспедай!

- Кого мне с собой взять? Одному с такими деньгами опасно.

– Эх, Сереженька, какой ты еще неопытный... С такими деньгами только одному и можно. Любой соблазнится, в первом же лесочке и закопают. Помни мой завет: никому не верь!

– Хорошо, дядя Евсей. Я тебя вытащу! Адвоката найму такого, что даже в подозрении не останешься. А сейчас, когда я стану команду давать сыщиков резать, ты уходи. Без тебя дело было! Ты – управляющий, твое дело хозяйство, знать ничего не знаешь.

Тут вошла сразу целая толпа молодцов самого варначьего вида, и управляющий удалился распорядиться насчет брички. Мамин проводил его взглядом, потом глянул сурово на свою гвардию.

– Ну, что, орлы, достукались? Наследили! Сыщик к нам приехал. Ремонтера играет и думает, что обдурил нас. Как ремонтер, он везет с собой пятьдесят семь тысяч будто бы для закупки лошадей. Только что тряс тут ими... Пустите ему вохру – деньги ваши, только, чур, меня не выдавать. Я при этом присутствовать не должен. Скатаюсь в волость, вернусь через три часа – чтоб к этому времени были уже холодными! Зароем в навоз – черт не сыщет. Там их трое, один на вид крепок; но и вы ребята теплые – чай, справитесь?

– За пятьдесят семь тыщ, князь, мы тебе гвардейский батальон вырежем, не то что троих фараонов, – успокоил Мамина коротко остриженный верзила, беглый с каторги по прозвищу Сашка-Капрал.

– Там, во флигеле, в запертой комнате спрятан Петруха. Как начнется, он ударит им в спину. Хитростью зайдите, без шума. Я им закуски обещал, вот вы их будто бы и несете. Только не все семеро, а двое; остальные крадучись подбирайтесь, чтобы в окна не увидели!

– Разберемся, не впервой...

В дверь просунулся управляющий:

– Готово, Сергей Сергеич.

Мамин отпустил варнаков, прошел в свой кабинет. Рассовал по карманам сюртука револьвер, дворянский паспорт на чужое имя, пачки купюр. Подхватил две увесистые шкатулки – одну с золотом, другую с процентными бумагами крупных номиналов, вынес их на двор, положил в бричку под ковер. Красавец конь, предчувствуя гоньбу, прядал ушами.

– Прощай, дядя Евсей. Вытащу!

– Прощай, Сереженька! Не забывай старика. А помнишь, как я тебя маленького по грибы водил?

Они обнялись, поцеловались. Мамин сел, не мешкая хлестнул скакуна по ребрам. Тот сорвался с места как вихрь, легко и быстро вынес бричку на дорогу и полетел к старому Сибирскому тракту. Через пять минут князь уже въезжал в Скрыпино. Глянул на запад – оттуда, вздымая пыль, неслась колонна всадников; до них было не более версты. Основные силы колонны рассыпались влево и начали по полям окружать Чуварлей со всех сторон, несколько верховых бросились по тракту к бричке. Мамин усмехнулся, повернул на восток и огрел плетью Абрека что было силы.

– Что-то долго нет князя, – беспокоился Титус, глядя внимательно в окно. – Вон бричка какая-то отъезжает.

– За мной! – мгновенно скомандовал Благово, подбежал к двери и распахнул ее. И тут же захлопнул обратно.

– Тимофеев, держать!!

Старший городской перехватил ручку, уперся плечом в косяк и вовремя – с той стороны дверь принялись отчаянно тянуть на себя. Засов изнутри не без умысла отсутствовал.

– Яан, в ташке[25 - Ташка – форменная гусарская сумка.] револьверы. Один взведи и сунь Тимофееву сзади за пояс, второй твой! Надо продержаться четверть часа.

Вдруг за спиной Благово повернулся в замке ключ, и кто-то попытался выскочить из загадочной комнаты наружу. Не тут-то было: помешал предусмотрительно поставленный диван. В щели мелькнуло лезвие топора, раздалось площадное ругательство. Павел Афанасьевич выхватил «трэнтор» и дважды выстрелил; человек за дверью со стоном рухнул на пол.

– Нехорошо подслушивать, – назидательно сказал Благово и подбежал к окну слева. Красный от натуги, Тимофеев с трудом удерживал дверное полотно.

– Ручка... отрывается...

– Сейчас, Иван Фомич, – хладнокровно успокоил его коллежский ассессор и разрядил остатки барабана в толпу на крыльце; с другой стороны его поддержал Титус. Крыльцо вмиг опустело, кто-то, бранясь, скатился по ступеням.

– На вылазку, пробиваемся к селу, где наш отряд.

И Благово первым выскочил наружу. Коротко стриженный верзила бросился на него с ножом. Тимофеев из-за спины сыщика вылетел ногой вперед, снес бандита, как рюху в городках, и побежал дальше. Огромный и страшный, он разбросал еще несколько человек и вдруг остановился – повсюду вокруг них уже оказались переодетые в форму конвойных войск чины нижегородской полиции.

– Продержались! – радостно хлопнул Благово Титуса по плечу.

– Да, как в романе, – подхватил невесть откуда взявшийся Всеволожский. – Слава богу! Вы все живы...

Действительно, сыщики были целы и невредимы, только у Тимофеева оказались сильно порезаны ладони – пришлось отбивать нож голыми руками.

– Где Мамин? – спохватился наконец Павел Афанасьевич и бросился в главный дом. Тихий и спокойный, там сидел управляющий и хладнокровно наблюдал за разгромом усадьбы.

– Говори, каналья, где твой хозяин?

- Уехал в Теплый Стан, ваше сиятельство. Точнее, господин Благово.

- Титус! Беги в конную команду, пусть немедленно организуют погоню по тракту в сторону Казани.

- Бесполезно, – охладил его пыл вице-губернатор. – Наши лошади скакали всю ночь и все утро, нам его не догнать. Кажется, я лицезрел бричку князя, когда мы сворачивали с тракта на Чуварлей. Он как раз въехал в Скрыпино и, завидев нас, действительно ушел на Казань. Там такой рысак!

- Десять минут. Нам не хватило десяти минут... Что-то нас выдало. Эй, старик! Как вы догадались?

- Васька Чугунная Шишка вас опознал, господин Благово.

- А, Василий Анцыферов, налетчик. Он здесь?

- Здесь, здесь. Лежит у крыльца и, кажется, убит – я вижу его в окно.

- А где Гаврила с рваным ухом?

- Убег, если только ваши конники не перехватили его в поле.

- Ишь, какой разговорчивый. На следствии такой же будешь?

- Я старый человек, ваше благородие. О душе пора уже думать. Что знаю – расскажу.

- Тьфу! – плюнул в пол коллежский асессор. – Я уже вижу, что ты расскажешь, старый прохвост. На князя Мамина надеешься? Это зря... Он теперь далеко, и с деньгами; некогда ему будет тобой заниматься. Сдохнешь на каторге как собака – там и молодые долго не живут, а уж ты... Ну?

Но управляющий отвернулся и говорить дальше не пожелал. Полицейские продолжали обыск, Благово же утратил к происходящему всякий интерес. Безучастный, он сидел на веранде, пил пиво и смотрел на пруд. Павел Афанасьевич понимал, что сорвал растение, но упустил корень: князь Мамин на

свободе. Это значит, что через год где-нибудь в России затеется новое большое и хитроумное преступное предприятие. Сибирь или Лифляндия, фальшивые деньги или махинации на поставках – князя выдаст масштаб. Не любит он мелочиться... А поскольку Мамин более не появится в Нижегородской губернии, значит, Благово его уже никогда не поймать. Вот так!

В Чуварлейском конном заводе было обнаружено и арестовано более двухсот лошадей. Следователи полгода разбирались, которые из них ворованные, а которые выращены законно; последних оказалось немного. Главная станция была разгромлена, имение отписано в казну. После уничтожения этого притона покражи лошадей во внутренних губерниях уменьшились в десятки раз.

Гаврила с рваным ухом был схвачен оцеплением и доставлен в Нижний Новгород. Свидетели опознали в нем убийцу извозчика Быткина, и офеня отправился на рудники. Помимо него, в Чуварлее было задержано еще несколько опасных, находящихся в розыске преступников.

Рубочкин тоже предстал перед судом и получил строгое наказание. Благово выступил с речью, в которой описал, как раскаявшийся извозпромышленник помогал следствию и спасал жизнь агента полиции. Скостили три года...

Старый управляющий никого не выдал и умер в тюрьме, не дождавшись приговора. Видимо, он очень любил своего хозяина. Говорили, что старик был дядькой Мамина с детских лет, и князь во всем доверял и слушался своего наставника.

Три недели спустя, ранним субботним утром Благово шел по Большой Покровской из дома на службу. Навстречу ему попался мужик с ведром и кистью, по виду маляр. Что-то в нем Павлу Афанасьевичу не понравилось... Оглянувшись, коллежский асессор обнаружил, что сзади его поджигает крепкий молодец в чуйке, с оловянными глазами. Недолго думая, Благово заскочил в ворота дома Кемарского, велел оторопевшему дворнику запереть их изнутри и послать служителя с запиской в управление полиции. Когда через четверть часа прибежал встревоженный Тимофеев и освободил начальника, ни маляра, ни чуйки поблизости уже не было.

Благово решил было, что ему померещилось, но на следующий день лошади дежурной пролетки, на которой он ехал в арестантские роты, неожиданно понесли. Обычно смирные и далеко не молодые, они вдруг ни с того ни с сего озверели и помчались по Благовещенской площади и той же Покровке, наводя ужас на пешеходов и встречные экипажи. Первым вылетел на мостовую возница и сильно расшибся. Павел Афанасьевич дотянул до Никольской церкви, где не удержался и тоже вывалился. Он сломал два ребра, ободрал руку и ногу, но в целом отделался легко. А лошади домчались до Лютеранской кирхи и стали, все в мыле, вновь сделавшись доживающими век клячами... Всеволожский, навестив Благово на его квартире, сказал:

- Я слышал о таких проделках. Именно скрипинские коновалы умеют взбесить ненадолго самых кротких кобылок - знают такие способы. Значит, князь Мамин жив и мстит за разрушенное вами его доходное дело.

Месяц после этого Благово ходил везде пешком и только под охраной могучего Тимофеева, но потом дела закрутили его, и об опасности забылось.

В один из тех дней, что Павел Афанасьевич отлеживался дома после падения, курьер принес ему свежий приказ по Министерству внутренних дел. В нем были награждения за раскрытие гигантской преступной организации конокрадов в центральных губерниях. Орденов удостоились Косаговский, а также Путилин со всеми тремя своими агентами. Лукашевич «за примерную службу» был произведен не в очередь в следующий чин статского советника. Наибольшее отличие выгадал почему-то Каргер - его сделали генерал-майором; наименьшее - Всеволожский, тому объявили лишь особенную благодарность министра. Замыкал список Титус - он повышался в коллежские секретари. Не остался забыт даже подчасок, помогавший Благово отбиться от мазуриков в колодце двора по Вознесенскому проспекту: с разрешения военного министра он получил три рубля наградных. Ни слова не было только о самом Благово. Видимо, Тимашев с Маковым действительно запомнили эту фамилию...

В той же пачке документов обнаружился еще один приказ - по сыскному отделению. В нем Васенька объявлял выговор своему помощнику за излишне долгое раскрытие кражи в квартире ротмистра Галахова. Вторым пунктом Лукашевич приказывал удержать из жалования Благово перерасход прогонных в размере 4 рубля 12 копеек. Мелкая душонка поняла, что сейчас можно...

Вечером по очереди зашли проведать раненого Каргер и Всеволожский. Полицмейстер виновато прятал глаза, по-немецки заскорузло шутил и обходил неприятную тему молчанием. Вице-губернатор, наоборот, метал громы и молнии и, уходя, пообещал «предъявить им кузькину мать». Благово одинаково равнодушно слушал и того, и другого. Он осознавал свою вину за то, что упустил князя Мамина – какая же может быть тогда награда? Ну, а с Лукашевичем Бог разберется...

Последним в тот вечер заявился Титус. Ушлый лифляндец раздобыл где-то мороженой хурмы – любимой закуски Павла Афанасьевича под коньяк. Они изрядно выпили и закусили, обмыв новый чин Яана; кухарка Матрена еле выставила гостя уже за полночь.

Как вскоре выяснилось, Андрей Никитич Всеволожский слов на ветер не бросал. Воспользовавшись служебным вызовом в Петербург, он зашел там к Милютину и показал ему оба приказа. Генерал хмыкнул, извлек из стола перевязочное свидетельство о контузии, которое он ранее клещами вытянул из Благово, и сунул в папку с августейшим докладом. Туда же ушли и указы. И через день грянул гром...

Именным повелением императора Павлу Благово была пожалована Анна 2-й степени.

Тимашев получил через флигель-адъютанта записку: «Неприятно удивлен отсутствием в приказе о награждении за поимку конокрадов коллежского асессора (зачеркнуто; сверху надписано «надворного советника») Благово. А ведь тебе известна его центральная роль в этом деле. Так-то ты отличаешь моих верных слуг? Немедля исправить. Александр». В тот же день злополучный приказ был дополнен – Благово не в очередь, «за особенное отличие», был произведен в надворные советники.

И наконец, военный министр обратился к министру внутренних дел с ходатайством разрешить ему наградить нижегородского сыщика за большие заслуги в деле поддержания конно-мобилизационной повинности. Тимашев не решился в третий раз нарываться на августейший разнос. Павел Афанасьевич получил 1200 рублей наградных (свое десятимесячное жалование!) и смог купить давно желаемую старинную трубку потемкинских времен, с вишневым чубуком.

Последним отличие нашло Тимофеева. Когда в декабре 1876 года была утверждена медаль «За беспорочную службу в полиции», он стал одним из первых ее кавалеров.

Одно было плохо: всякий раз, когда Павел Афанасьевич раскуривал свою трубку, он вспоминал князя Мамина, гусарский ментик на своих плечах, фонтан крови из разрубленного горла Рубочкина. Начинали ныть контуженное плечо и поломанные ребра, и Благово тихо бранился себе под нос узкоспециальными терминами из неприличной части морского лексикона.

Злые люди

Вице-губернатор Всеволожский в воскресенье вызвал Благово запиской к себе на дом. Андрей Никитич занимал квартиру во втором этаже корпуса губернского правления. Говорили, что в 1799 году в ней останавливался Павел Первый. Шесть больших комнат окнами во двор вице-губернатору, как холостяку, показалось много, и он отдал две из них для размещения кремлевских служителей.

Выяснилось, что именно по их просьбе Всеволожский и побеспокоил начальника сыскной полиции в неприсутственный день. Андрей Никитич привел седого, но еще крепкого старика, сорок лет трудившегося истопником в канцелярии губернатора, и сказал:

– Вот, дедушка, лучший в России сыщик после Путилина. Только Путилин в Петербурге, а Павел Афанасьевич здесь. Все ему и расскажи. Называй его «ваше высокоблагородие». Садись.

Истопник нерешительно присел на краешек стула, с надеждой посмотрел на коллежского советника.

– Так что, ваше высокоблагородие, сестра у меня живет в Сергачском уезде. Варварой кличут. А село называется Сосновка. Четыре-на-сто дворов, большое село... В трех верстах от них другое есть село – Вершинино...

- Это то самое, где люди пропадают?

Истопник оглянулся удивленно на Всеволожского, тот довольно кивнул:

- Видишь? Я же тебе говорил - ему все известно.

Тут только до вице-губернатора дошел смысл сказанного, и он опешил:

- Павел Афанасьевич! В нашей местности такое творится, и, судя по вашей реплике, не один год; вы это знаете и ничего не делаете? Как же так?

- Андрей Никитич, я же отвечаю за уголовный сыск исключительно в губернском городе! В уездах своя полиция, мне неподведомственная, а вам и Кутайсову подчиненная. Несмотря на то, что формально меня эти дела не касаются, я трижды обращался к губернатору. Последний раз это было в прошлом, семьдесят восьмом, году. И к вам я тоже с этим подходил. Помните, в марте? Предлагал покончить с разбойничьими делами и выказывал готовность помочь в том местной полиции. Кутайсова не заинтересовали мои предложения. А вы что мне тогда ответили?

- Да... припоминаю... Там началась посевная, не хватало, как всегда, семян; потом я заболел, потом открылась ярмарка... потом я забыл о вашем рапорте. Каюсь, грешен. Но сейчас обещаю вам полное содействие!

- Давайте дослушаем старика; кажется, я догадываюсь о его истории.

И дед продолжил:

- Ага. Так вот, село это, Вершинино, взаправду очень нехорошее и было такое всегда. Знающий человек, когда проходит его благополучно, бежит потом в наш сосновский храм и ставит там благодарственную свечку. Средь бела дня путника раздеть могут. И ладно бы только раздевали! Жизни лишают! Вечером же или в ночь чужому идтить через Вершинино не приведи господь - верная погибель.

- Куда же смотрят становой и исправник?

– В селе том раньше стан помещался. Так двум приставам избы спалили, квартиру-то в Мигино и перевели. Исправник тоже за версту объезжает... Теперя там власти совсем никакой нет, одна разбойничья. И то сказать: как же бороться с целым селом?

– Сильно вас донимают?

– Спасу нет, ваше высокоблагородие. Парни их шибко драчливые, приходят на чужие праздники большими шайками, и завсегда с ножами да кистенями. На покосах безобразничают, запашку на наших землях делают, и слова им поперек не скажи! Бабам и девкам проходу не дают. В лес за грибами сосновские давно уже не ходят – боятся. Но самое страшное – это душегубство. Люди там пропадают, купцы, гуртовщики и просто прохожие. И об том моя история.

У сестры Варвары внучка, Тайка. Мне, стало быть, внучатая племянница... Подружилась она с одноклассницей из Вершинина, на свою беду. Происходит та из семейства Ярмонкиных – есть там такая фамилия, почитай, треть села ее носит. Ну, сошлись девки неразлейвода: Тайка ходит к ней, она к Тайке...

– Сколько годов твоей Таисье?

– Тринадцатый пошел. Так вот. Варвара ее отговаривала: страшное село, не водись ты с ними... Но кубыть ничего плохого не происходило, и махнула она рукой: гуляй с кем хочешь. Ну, и... Две недели назад как раз был Ильин день, наш сосновский храмовый праздник. И Анютка, Тайкина подружка, у нас заночевала. Праздник же – пироги, хороводы... На другую ночь Тайка осталась у Анютки. Легли они на печи, уснули... А посреди ночи просыпается моя Таисья от какой-то возни. Всмотрелась эдак-то в темноте – а они мужика душат!

– Кто? Ярмонкины?

– Да. Их там три брата: один не годится, другой хоть брось, третий маленько похуже обоих... Старший-то уж больно здоров, настоящий богатырь, но и остальные ничего себе. И ихний отец, Сысой Егорыч; он всеми такими делами и заправляет. Тот у двери стоял, караулил...

– Задушили?

– Как есть. С четверыми-то кто совладеет?

– Если только Лыков, – сказал как бы в сторону Благово, и Всеволожский понимающе кивнул. – Дальше что было?

– Ну... Тайка моя молчит ни жива ни мертва, крик кулаком зажимает. И, видать, шевельнулась там на печке... Младший сын, Анисим, самый поганый из них, и говорит: «Дуроплясы! Забыли, что у нас чужой человек в доме? Девка, что Нюрка привела. Надо и ее сей же час удавить, чтобы свидетелев не было». Тайка моя совсем от страху обмерла. Все, думает, вот и смерть пришла... Однако лежит, не двигается, будто спит. И отец Анисиму отвечает: «Погоди давить-то; люди видели, что она к нам пошла. Проверь вначале – може, дрыхнет; детский сон крепок». Ну, Анисим влез на приступок и долго-долго смотрел и слушал, а внучка сопела, будто спала. И они поверили и не убили ее... А утром чуть свет, когда Ярмонкины задремали, Тайка тихохонько встала – и бежать! А от Вершинина до Сосновки три версты. Вот бежит девка, нету еще никого, она и думает: а ну как хватятся? Догонят да задавят. Дайкось я спрячусь!

– Молодец!

– Еще не молодец – она себе жизнь этим спасла! Только в стог забралась, смотрит – братья скачут за ней на лошадях! Двое. Ищут, а найти не могут. Аккурат мимо нее проехали, ругаются. Анисим второму-то говорит: «Жалко, тятя не дал ее ночью кончить, теперь она нас выдаст». Да... Просидела Тайка так часа два, люди вышли в поле работать, она и вылезла. Прибежала домой чуть живая со страху. Рассказала все бабушке с матерью, те в ужаси впали. Что делать? Мужика в доме нет – он в Москве, на заработках. Пошли к батюшке. Отец Матфей выслушал и говорит: «По совести, надо бы властям сообщить, а по уму – не надо. Власти приедут и уедут, а вам тут жить. Вершинино-те под боком. В любую ночь явятся, двери подопрут да и спалят!» Изба у наших опять же в Завернихе – это конец, что к мельнице идет, там народу мало... Ну и побоялись, конечно. Варвара сказала своим: мы ничего не видали, не слышали, держим рот на замке. Дружба с Нюркой, понятное дело, прекратилась; никто ни к кому не ходит, тишина...

Вот. Прошла неделя. А в субботу приехал к ним старший Ярмонкин. Зашел в горницу, шапки не снял, на образа не перекрестился. Состроил звероподобную харю и говорит Варваре:

- Где твоя внучка, Тайкой кличут?

- На Панинской стороне гуляет.

- Зови ее сюда!

- Это зачем?

- Разговор имею.

Вот. А Варвара моя шибко умная. Она тому Ярмонкину и говорит:

- Ты нас, Сысой Егорыч, не трогай. Мы люди тихие, осторожные, никогда ничего не болтаем излишнего. Нету у нас такой привычки. Я за этим слежу строго. Оставь ты нас, а мы и что знали, все забыли.

Покойно так говорит, без невров. И Ярмонкин ушел. Сказал: «Ладно, но штоб могила», и все вроде бы как обошлось. Еще неделя минула, бабы мои уж и забывать стали. А позавчера подалась моя Варвара по воду, а мимо идет сосед пьяный, Васька Кауркин, лодырь и озорник. Из кабака-те идет. У нас в Сосновке только питейная лавка, а в Вершинине кабак... И говорит он сестре:

- А Тайку твою того... приговорили...

Варвара так ведра и бросила:

- Кто приговорил, за что? Бай, пьяный черт!

- А братья Ярмонкины сказывали давеча. Водку мы вместех потребляли... Они и бают. Видала она, што ли, што не положено... Вобщем, конец ей таперь; братья сказали - удавят!

Варвара, как услышала эти Васькины слова, спохватала дочь со внучкой и к батюшке. Даже избу не заперла. Переночевали они, а утром отец Матфей сам их на подводе в Сергач увез, спасибо ему за это и Божья благодарность. Из Сергача на дилижансе они вчера ко мне приехали и все это рассказали. А теперь дайте совет, ваше высокоблагородие: как им дальше жить?

- Дедушка, назовись-ка сперва.

- Лоллий Иванов Смыслов, ваше высокоблагородие.

- Так вот, Лоллий Иванович. Вопрос твой не простой. О том, что в Вершинине неладно, я знаю давно. Больше скажу: в нашей губернии таких еще три села. Сделать с ними что-то очень трудно, потому как там все заодно. Выселять бы надо такие общества в Сибирь, поголовно, до последнего человека. Но закона на это нет... Поэтому вычистить это поганое место насовсем, чтобы вам стало спокойнее, не получится. Но наказать и дать острастку - можно. Мы туда нагрянем. Пусть пока твои женщины у тебя поживут, неделю-другую. Когда им спокойно станет вернуться, я скажу.

Истопник долго молча смотрел на Благово, потом решился:

- Ваше высокоблагородие, а может, не надо? Лучше никак, чем так. Вы нагрянете, схватите кого-нито, пошумите, постращаете, да и уедете. Никто ведь в Сосновке полицейский пост не оставит. А их там три-на-сто человек, они сами кого хошь застращают. И каково будет Варваре туда вернуться? Зарежут их всех. Выждут какое время и зарежут.

- Лоллий Иваныч, я это понимаю. Просто приехать и сказать: да я вас в порошок сотру! - это делу не поможет. Надо так сказать, чтобы до печенок проняло, чтобы не вы боялись, а они. Это трудно и может не получиться, но средства такие у нас есть. Вот, здесь его превосходительство господин вице-губернатор. Власть. Он даст мне команду; считай, уже дал (Всеволожский при этих словах энергично кивнул). И мы займемся этим змеюшником. Дело ведь не только в твоей Варваре; давно там пора подмести... Сколько можно людей убивать?

Смыслов поблагодарил и ушел. Видно было, что речь Благово его не убедила и он сам теперь не рад, что затеял этот разговор. Как только дверь за ним закрылась, Всеволожский присел на освободившийся стул.

- Так как же это, Павел Афанасьич?

- Вы насчет Вершинина?

– Да. Неужели у нас годами существуют места, где безнаказанно душат людей? И как мы, власть, это допустили?

– Эх, Андрей Никитич. Кутайсов здесь высшая власть. Вот и ответ на ваш вопрос. А места, о которых вы говорите, существуют не годами, а столетиями. И не только в России. Понимаете, есть злые люди. Дьяволово отродье, чертово семя. Иногда, необъяснимым образом, они оказываются поселенными в одном месте, как будто нечистый их там нарочно собрал. В Италии, в Римской провинции, есть деревня Артена. Убийств в ней происходит в шесть раз больше, чем в среднем по стране, а разбоев – в тридцать! Почему – никто понять не может. Просто вся деревня сплошь состоит из негодяев, и тянется это аж с четырнадцатого века. А взять Ливорно! Город как город, но – главная итальянская клоака, и опять без видимых причин. Цивилизованная Франция ничуть не лучше: по границе Арденнского леса десятки деревень, в которых проезжего незнакомца зарежут средь бела дня и никто не выдаст убийц полиции. Множество людей пропало там бесследно и пропадает до сих пор, и власти ничего не могут с этим поделаться.

У нас злые люди, увы, представлены в том же изобилии. Если одна такая фамилия на деревне, то общество, как вы знаете, может от нее отказаться. Тогда их в Сибирь, на поселение, по приговору сельского схода. Но иногда такие люди объединяются, чаще всего – исторически – из-за характера их прежних помещиков. Это самое страшное... Представьте себе целое село, состоящее из такого сброда. Более ста дворов, почти семьсот человек населения, и из них половина – такие, как Ярмонкины. Вторая половина, понятно, молчит. Попробуй скажи им хоть слово поперек! И так – с прошлого столетия.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Ганаша – скула у основания нижней челюсти лошади.

2

Басоны – тесьма, галунный товар.

3

Холощение широко практиковалось для получения добронравного рабочего животного.

4

Ломбардный отряд в составе сыскного отделения занимался поиском похищенных вещей.

5

Блатер-каины – скупщики краденого (жарг.).

6

Капенить по лауде – дать по голове; вохра – кровь; юсы – деньги; шонда хрустов – шесть рублей (жаргон офеней).

7

Изначально грюндер – это биржевый маклер, но участие таковых в многочисленных финансовых махинациях сделали это слово нарицательным, оно стало обозначать просто мошенника.

8

Батуся – Москва (офенск.).

9

Ремонт – пополнение выбывшего конского состава по свободным ценам, в отличие от поставок на основе военно-конской повинности.

10

Военно-окружное управление – штаб военного округа.

11

Мухортый – гнедой с желтоватыми подпалинами.

12

Французское выражение, обозначающее «в конце обеда» (о деловой договоренности, достигнутой за столом).

13

Либрпансер – вольнодумец.

14

Служебный билет – удостоверение личности офицера российской армии.

15

В 1870-х годах в русской армии существовал неофициальный обычай, согласно которому равные в чинах офицеры отдают друг другу честь, только будучи лично знакомы.

16

Выранжирование – выбраковка отслуживших свой срок лошадей (ремонтерский термин).

17

Гиппология – наука о лошадях (устаревш.).

18

Имеется в виду 2 аршина 6 вершков, или 168,7 см (стандартный рост единственного русского тяжеловоза – битюга).

19

Возраст лошади определяется по углублениям на резцах, т. н. «чашечкам». В нижней челюсти «чашечки» стираются к 3 годам, в верхней – к 6.

20

Аманат – заложник (кавказск.)

21

Наничку – наизнанку.

22

Диопсод – алкоголик (устаревш.).

23

6,35 мм.

24

Русско-турецкой войне 1877—1878 гг. предшествовала сербско-турецкая война 1876 г. В ней сербской армией командовал генерал М.Н. Черняев, фиктивно уволенный с русской службы.

25

Ташка – форменная гусарская сумка.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/nikolay-svechin/hroniki-syska-sbornik>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)